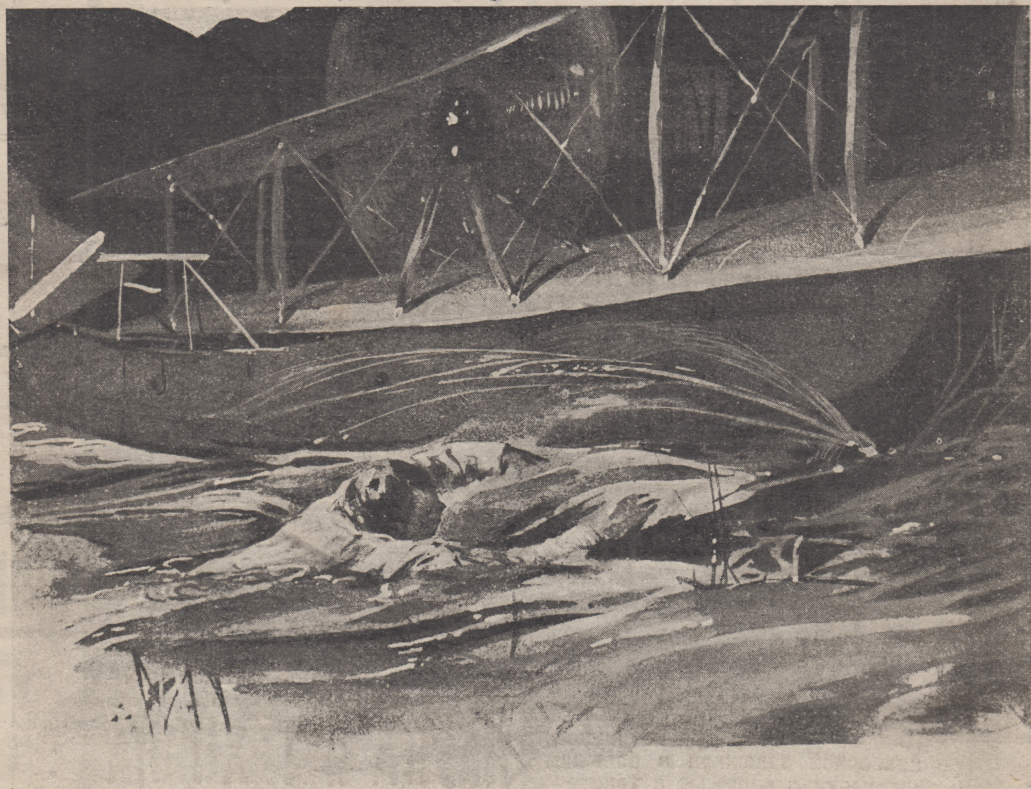

Партизанская

Фаб 28

Цена 20 коп.

Г. Ленинград,
Фонтанка, 57.

КРАСНАЯ ГАЗЕТА

Г. Ленинград,
Фонтанка, 57.

ЛЕНИНГРАДСОВЕТА

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на ВТОРОЕ полугодие 1927 г.

**КРАСНАЯ
ГАЗЕТА**

утренний
выпуск

Основана тов. ВОЛОДАРСКИМ

**ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ**

На 1 месяц руб. 70 коп.
" 3 " 2 " —
" 6 " 3 " 80 "

С 24 ПРИЛОЖЕНИЯМИ

На 1 месяц руб. 85 коп.
" 3 " 2 " 45 "
" 6 " 4 " 70 "

Со всеми изданиями, кроме вечернего выпуска „Красной Газеты“, „Вокруг Света“ и „Юного Пролетария“

На 1 месяц 3 руб. 10 коп.
" 3 " 9 " —
" 6 " 17 " —

**КРАСНАЯ
ГАЗЕТА**

вечерний
выпуск

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 месяц 1 руб. — коп.
" 3 " 3 " —
" 6 " 6 " —

Еженедельн. литер.-худож. журнал с красочной обложкой и большим количеством рисунков в тексте

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 месяц руб. 60 коп.
" 3 " 1 " 70 "
" 6 " 3 " 25 "

Цена отдельного № 15 коп.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

БЕГЕМОТ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 месяц руб. 60 коп.
" 3 " 1 " 70 "
" 6 " 3 " 25 "

Цена отдельного № 15 коп.

Бегемот с веселой библиотекой ежемесячно 4 выпуска

На 1 месяц руб. 95 коп.
" 3 " 2 " 75 "
" 6 " 5 " 35 "

Бегемот с веселой библиотекой 4 выпуска и юмор. газета ПУШКА

На 1 месяц 1 руб. — коп.
" 3 " 3 " —
" 6 " 6 " —

Еженед. юмористический журнал

ПУШКА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 месяц руб. — коп.
" 3 " 1 " 60 "
" 6 " 2 " 20 "

Цена отдельного № 5 коп.

Самый распространенный научно-технический иллюстрирован. еженедельн. журнал

НАУКА И ТЕХНИКА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 месяц руб. 40 коп.
" 3 " 1 " 10 "
" 6 " 2 " 20 "

Цена отдельного № 15 коп.

„Наука и Техника“ с библ.

На 1 месяц руб. 60 коп.
" 3 " 1 " 70 "
" 6 " 3 " 25 "

Еженедельный иллюстрированный рабочий журнал

РЕЗЕЦ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 месяц руб. 35 коп.
" 3 " 1 " —
" 6 " 1 " 75 "

Цена отдельного № 10 коп.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**Вокруг
Света**

БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 3 месяца 1 руб. 10 коп.
" 6 " 2 " 20 "

Цена отдельного № 20 коп.

С приложениями и розыгрышем

На 3 месяца 2 руб. — коп.
" 6 " 3 " 80 "

ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ

Комсом. журнал, обслуж. мо. одеж

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 месяц руб. 25 коп.
" 3 " 1 " 70 "
" 6 " 1 " 30 "

Цена отдельного № 15 коп.

„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“ ВМЕСТЕ С „ВОКРУГ СВЕТА“

Без приложений:

На 3 месяца 1 руб. 70 коп.
" 6 " 3 " 40 "

С приложениями:

На 3 месяца 2 руб. 60 коп.
" 6 " 5 " —

ПРИЕМ ПОДПИСКИ ПРОИЗВОДИТСЯ: в Ленинграде—в Главной Конторе „Красной Газеты“,—Фонтанка, 57. В отделениях Главной Конторы—Пр. 25 Окт., д. № 1 и 68. и Главном Почтамте и во всех районных почтово-телеграфных конторах. Через почтальонов на дому, у всех организаторов подписки на фабриках и заводах. ИНОГОРОДНИЕ МОГУТ ПОДПИСАТЬСЯ: в отделениях Главной Конторы по Северо-Западной области, во всех почтово-телеграфных конторах СССР, во всех киосках Контрагентства печати. Москва, Советская, 34. ЗАКАЗЫ и ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ направлять в Главную Контору: Ленинград, Фонтанка, 57.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 12

1927 г.

ИЮНЬ

30

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: В. Тик. „Старые и новые“ (Союз молодых). — В. Осьмак. „Мокрая отмель“. — Арчи. „Майна каюты“. — А. Лебедеко. „Томиндан“. — С. Вентура. „Смертоносный лес“. — В. Аристов. „Мыши“. — Лесник. „Пруд и озеро“. — Л. Д. „Газовая война и будущие города“.

О СЛОНАХ

Что слон умное животное — известно каждому. Именно эта природная сообразительность и позволила человеку приспособить слона к целому ряду полезных работ по перетаске тяжестей, широко использовать его смекалку в занимательных цирковых представлениях и т. д.

Однако, в неволе всякое животное сдает и далеко не проявляет всех заложенных в него способностей. Так и со слоном. Европейцы-охотники, которые часто встречались со слонами и долго наблюдали за ними на воле, в их естественной обстановке, единогласно утверждают, напр., что у слонов есть свой язык, т. е. целый ряд особых звуков, которыми они передают свои мысли.

Эти трубные звуки весьма разнообразны. Когда слоны пасутся в лесу или кустарнике, они трубят ясно, громко и спокойно. Во время ночного водопоя и купанья в их трубных возгласах отчетливо заметны удовольствие и веселая радость. Но и у слонов, конечно, не одно лишь беспечальное житье. Тяжело раненый зверь часто зовет на помощь пронзительным, режущим криком. И если только поблизости находятся его сородичи, они немедленно трубят в ответ и бросаются (в большинстве случаев слоники) на помощь к раненому товарищу. Заботливо стараются они увести раненого подальше от злополучного места, а если он лежит уже на земле, то пытаются всячески поднять его на ноги и вплотную становятся к его бокам, чтобы облегчить ему трудную ходьбу.

В моменты ярости слон ревет и даже визжит. Это животное с необычайной для его огромной туши быстротой бросается на дикого зверя или охотника подобно свистящему паровозу. Этот пронзительный крик и визг куда больше устрашает, чем весь грозный вид рассвирепевшего животного. Когда же слон заметит опасность, он протрубит всего лишь один раз, но и этого одного звука достаточно, чтобы все стадо в один миг исчезло из опасного места.

О Х О Т А В А Ф Р И К Е.

Жираф — самое пугливое и трудное для поимки животное.

Черный материк, т. е. Африка, уже издавна влечет к себе неотразимо тех страстных и заядлых охотников-европейцев, которых не может удовлетворить легкая и безопасная охота у себя на местных птиц и зверей. Единственная и ни с чем несравнимая для таких охотников радость — красться за стадом слонов, которые изумительно тихо проходят по местам своей кормежки, хлопая своими огромными ушами и медленно махая своими хвостиками.

Усиленно заставляет биться охотничье сердце и вид гиппопотама, мирно греющегося на болотистом берегу широкой реки, где часто замечаешь и прокладывающего себе дорогу крокодила. И все это при беспрестанно взлетающих самых диковинных птицах.

Однако, африканские охотничьи радости доступны только крепкому и смелому человеку; слабого и трусливого здесь всюду ждет смертельная опасность. Так, напр., можно против ветра подкрасться совсем близко к слоновому стаду, но горе охотнику, если ветер неожиданно повернется и понесет к стаду его человеческий запах. В этом

Охотник и его добыча.

случае все стадо может броситься на отважного наблюдателя, который свою жизнь спасет тогда лишь рядом метких и спокойных выстрелов.

Выслеживание слонов особенно часто портит неистовый носорог. Он прямо не выносит человеческого запаха и стремглав бросается туда, где его только почует. Охотнику приходится тогда защищать свою шкуру и стрелять в этого бешеного зверя, расстраивая выстрелом свою налаженную охоту на слонов. Правда, все меньше и меньше становится этих смирных животных, истребляемых человеком ради коммерческого или спортивного интереса. И даже в таких далеких африканских уголках, как оз. Танганайка, охотнику уже не разрешается за весь сезон убивать более трех слонов.

Попавший в смертельные объятья бык.

Старые

Рис. худ. И. Королева.

Содержание первой и второй части.

На дальний север, на берега Колымы забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в заимке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дука — искаженное Дунька).

Девушка и сама не остается равнодушной к могучему и молодому Авилову, но именно потому и сторонится от него. Однако, несчастный случай во время охоты на переплывавших реку досей (раненый зверь опрокинул лодку Дуки) дает Авилову возможность спасти охотницу, которая и становится его женой.

Уже несколько лет прожили Викентий и Дука в дружной, совместной работе, пока не грянул неожиданный гром: 1905 год. Политические потянулись с дальнего севера к родным местам, вместе с ними ушел и Авилов, оставив Дуку вместе с сыном, в честь отца названным также Викентием.

В безысходной тоске Дука заперлась у себя и всякую работу бросила. Только удачная схватка с поднятым ею из берлоги медведем снова приводит ее в самое себя. Теперь она живет для своего сына, которого то жарко обнимает, то сурово отталкивает: мальчик похож на отца. Наконец, пробил и Дукин час: в дальней охотничьей поездке ее ветром уносит на льдине, а восьмилетний мальчик-сирота вместе с бабушкой Натахой переселился в Средний (Средне-Колымск).

Люди голодали; как взрослые, так и дети. «Голодный конец» завистливо смотрел на другую сторону речки, где жили богатые торговцы. Наконец, происходит первая на реке Колыме экспроприация: тщедушный Пака забирается в амбар купца Макарьева за рыбой для своих голодных детей. Хотя Паке не удастся унести добычу, но следовавшие за ним колымские ребята хорошо использовали открытый Пакой амбар.

Обильный 1914 год у всех поправил дела на Колыме. Но затем грянула война и задушила всю якутскую торговлю. Никто не приезжал за рыбой и пушниной, никто не привозил чаю, табаку, сахару и т. д.

В 1918 г. дезертировал у колымчан исправник, а вместе с ним и прочие чиновные люди. Откуда-то пошли новые веяния, выразителем которых явился батрак Митька. Он вдребезги разругался со своим хозяином, Макарьевым, и уходит с его двора, вместе со своей Мотькой.

Рушатся все устои веками сколоченной жизни. Созывается первый на Колыме «митин», на котором вся власть вручается Митьке Реброву. Учитывая повсеместную, общую нужду, Ребров «макаризирует» местных торговцев, облагая их данью: чаем, табаком и водкой. А на следующий день уже само население устраивает пир на весь мир, не спросясь и своего нового начальства.

Часть вторая.

СОЮЗ МОЛОДЫХ

ГЛАВА XI.

Увидев столь бесшабашный разгул, Митька расвирепел сразу до беспамятства. На него иногда находили такие припадки. Тогда он бросался на обидчика с ножом, с топором. Люди говорили, что так на него напущено. Разговорить его умела только Мотька очелинка, которую в другое время он помыкал, как рабыню. Припадки у Митьки были редкие, раз в два

года. Революция, однако, еще более редкий припадок. Она случается однажды в столетие. Естественно, что одна редкость вызвала другую.

— Так вы бунтовать! — крикнул Митька яростно на всю площадь.

— Я вас научу!

Он вытащил шашку из ножен и стал наступать на Паку с его бочкой, черпалкой и другими атрибутами.

Публика в ужасе шарахнулась. Митька был похож на старого исправника, не того, убежавшего недавно, а другого, что был перед ним и умер на Колыме от удара. Тот был во хмелю буен и в летнее время, бывало, напьется и бежит по городу с шашкой наголо, сам тоже совершенно голый.

Даже Пака, бесстрашный облчитель исправников, на этот раз струхнул, соскочил с пня и уронил уполовник в бочку. Не зная, куда деться, Пака спрятался за бочку и выглядывал оттуда, словно они собирались играть в пятнашки или жмурки.

Митька шел вперед, а люди бежали с дороги. Только остался один Викеша Русак.

Он стоял и присматривал за сумой с табаком. В руке у него был деревянный бичик с костяным наколочником, каким погоняют оленей. Алёнка подошла, заступила руку в суму. Викеша ждал. Она порылась в табаче, отщипнула от папуши сверток прессованных листов и вытащила вон.

Была она повязана алым платочком из «макаризированных» запасов. В толпе повсюду мелькали алые головы, как крупные дикие маки.

Аленка потащила табак.

— Брось! — сказал Викеша и легонько ударил ее бичиком по пальцам. Сверток упал обратно.

— Растаскивать нету закона! — сурово объяснил Викеша. — Здесь раскуривайте.

— Да я бабушке, — попросила Аленка.

— Которой такой? Все бабушки тоже пришли.

— Такой, старенькой! — тянула Аленка. — Твоей бабке Натахе! — выпалила она и стрекнула от сумы.

Натаха, действительно, одна из немногих не явилась на пир. За несколько лет Натаха совсем одряхла, согнулась в три погибели, не ела, не пила и все бормотала что-то невразумительное.

Викеша помолчал.

— Пускай и Натаха придет, — сказал он решительно. — Такой день, пускай до последнего идут.

В это время стал подходить Митька с его сверкающей шашкой.

— Ты чего? — сказал он негромко и зловеще, подходя к мальчику вплотную. Он понимал, что весь этот праздник прежде всего Викешина затея.

— А ты чего? — отозвалась Викеша, ничуть не отклоняя головы.

— Вот это у меня! — Митька взмахнул своим полицейским сверкающим мечем.

— А это у меня! — Викеша взмахнул своим гоненьким, гибким бичем.

Оружие было не равное, да и Митькиной силы хватило бы на троих недопесков. Но Викеша надеялся на ловкость и внимательно следил за острым концом полицейского вертела Митьки.

Эта нелепая сценка окончилась бы кровопролитием, но явилась неожиданная выручка. Мягкая широкая рука легла сзади на Митькино плечо, стараясь повернуть его. Митька и сам повернулся, как уколотый. Увесистое женское тело кочнулось вперед, прямо в его объятия. Он бросил шашку на землю, чтоб не поранить его. Это была Мотька, в полной нагрузке, пьяная и даже мокрая. Вот она куда выбралась до свету

она его. — Им курить, им пьяниться! А у нас разве души собачьи?.. Столько лет ждали!..

Бабы смотрели на нее с удивлением. Она выкурила трубку и выпила ложку. С чего тут опьянеть? Она опьянела от воздуха, от шума, от огромной перемены. А, может быть, она притворялась пьяней, чем на деле.

— Орел сизокрылой! — кричала опять неумная Мотька. — Вот он, Колымский орел! Слыхали, горожана: без Митьки, а что бы у вас вышло? Ура!...

«Горожана» набегали с различных сторон. — Правда, ура!... Митька Ребров! Без Митьки бы не было! Ура, Митька! Качать Митьку Реброва!

Его подхватили за руки и за ноги и через минуту он взлетел высоко в воздухе. Раз, другой, третий.

— Бросьте, черти! — вопил он то сверху вниз, то снизу вверх. — Душу вытряхнете.

Выпить Реброву! Покал Реброву!

с мягкой исправничьей постели. Митька заметил это по утру, но впопыхах совсем забыл. Мотька обхватила Митьку за плечи и расцеловала его в щеки и губы при всем честном народе.

— Митя, любовушка, — икала она, — орел сизокрылой. Праздник у нас, раз в год стервам праздник!

Она отшатнулась от Митьки и чуть не упала, но справилась и громко запела:

Ты верей, верей,
Ты вереюшка,
Поддержи меня,
Бабу пьяную.

— Митя, любитель!...

Она схватилась за Митьку вместо верей.

— Глядите на глупого! — закричала она снова, указывая пальцем в «любителя». — Баба догадалась, а он не догадался! «Чукчам», говоришь, — передразнила

— Ну, будя! — подтвердил Викеша. Неутомимые недопески, разумеется, старались над Митькой больше всех. Странно присмирившего, растрепанного Митьку поставили на ноги.

— Выпить Реброву! Покал Реброву!

Появился огромный, начищенный медный поднос, тоже, как видно, макаризованный. На подносе одинокое и нелепо, посредине стоял пузатый хрустальный бокал с золотыми разводами. Солнце ударяло огненными стрелами из меди в стекло и отскакивало острыми зайчиками.

Поднос и бокал подносила на костлявых руках долговязая Овдя Чагина.

Это было, как феерия из «Сполошного Зыка», — появление Стеньки Разина перед толпою восставших казаков.

— Пака, наливай!

Но у Митьки хватило простого и здравого смысла.
— Да что, вы черти! Что я вам «взаболь»¹⁾ исправник?

— Я атаман Пятаков из Колымских лесов. Иди-ка ты, старая, с покалом!

— Пака, дай ковшик!

Он выпил ложку, потом сразу другую и явно захмелел.

Бился, рубился Иван Пятаков,
Он много полонил киселя с молоком,
Чашки и ложки, все под меч склонил,
Шаньги, пироги во полон полонил.

Залел Митька досельную колымскую былинку.

— Ну шут с вами, гуляйте! — сказал он примиренным голосом.

— Постой, постой, еще одна грешная душа. Архип, сюда! — покликнул Митька.

— Я здесь! — откликнулся Макарьев, довольно неожиданно, у самого Митькина локтя.

— Выпей, Архипка! Пака, ковшик! Пей, хозяин, свое, не покупное — смеется Ребров.

Макарьев выпил ковшик. Как опытный торговец и кабатчик, он лучше разбирается в напитках. Это не водка, не спирт, а, так сказать вода с вином, вроде крепкого квасу.

О диво, Макарьев тоже захмелел. Сегодня все пьянеют удивительно легко от Пакина чудесного лекарства.

ГЛАВА XII.

Кругом полубочки-обреза, пустой, опрокинутой, похожей на огромный барабан, собралась Воронья Охрана. Все те же мальчишки, Егорши, и Микши, и Савки, и девченки, подголоски и помощницы, Дуки и Лики и Наки. А в центре, опять таки Викеша Русак. Он сидит на лне перед своим опрокинутым столом и перед ним, в диковину сказать, разостлана бумага. Правда, не новая бумага. Синий, исписанный лист из Колымского архива. И можно прочитатъ:

„Ея императорскаго величества самодержицы всероссийской, императрицы Екатерины Вторыя Нижнеколымскому частному командиру Александру Михайловичу в лето 1782 мая 15 дня Омотского родового старосты со сродниками.

Дойдя до самой совершенной крайности и не имея уж никакой надежды, так что уж третий день не вкушая никакой пищи, принужден прибегнуть к чальственному призрению, будучи обоего полу в 27 душах“.

Уже целый год, за неимением бумаги, вся Колыма нужнейшие дела пишет на архивных листах. Конечно, на обратной стороне, а то и на полях, как придется.

Любопытные старинные отписки XVIII века, написанные вязью, гусиным пером. Они называют губернатора—Якутским воеводой, а писаря—подъячим и ерыгой, а отца протоиерея — черным Колымским попом. И рассказывают они о поборах, платежах, ясаках, о жестоком изнуряющем голоде. Голод и ясак — это основное слово Колымской старины.

Но до этой старины нет никому никакого дела. Что недопескам история! Они сами делают историю.

Выпили по ложке недопески и легонько захмелели. Сегодня поречане хмелеют один за другим, и самые молчаливые начинают болтать языком.

Суматошный Пашутка Гатарленок кричит: «Почто нас бранят недопесками, запишем себе новое имя, такое, чтоб бросилось в нос».

— Такое, чтоб комар носа не подточил! — предлагает Берестяный.

Оба «про нос» — и по разному.

— А как нам писаться? — спрашивает Викеша солидно и покусывает карандаш.

— Партия — пиши!

Это Колымская «партия» — любимое казацье словечко. Такие казацьи слова: партия, компания, команда. Старые и новые слова. Колыма знает все новые слова, ни разу не слыхавши.

«В ваших новых словах и лозунгах старина моя слышится» — могла бы сказать Колыма.

— Молодцами пиши! — предлагает Андрейка.

— Разбойники Брынских лесов! — настаивает Микша Берестяный.

— Думайте, ребята!

Это Репинские запорожцы сочиняют не послание турецкому султану, а свой собственный список-реестр.

Викентий стучит по бочке карандашем.

— А что думать? Мы кто есть, молодые? Давайте так и зваться и писаться «молодые».

Новый лозунг. Впрочем в то время не только Колыма, омолодилась огромная Россия, и в разных концах независимо смыкались союзы молодых.

— Ура, молодые! — кричат недопески кругом.

Как свадьбу празднуют.

Революция действительно похожа на огромную свадьбу, только венчаются такие молодые все больше со смертью.

Обвенчала нас сабля вострая,
Положила спать мать сыра земля.

— Выпьем за здоровье молодых! — кричат, шебаршат недопески.

Все потянулись опять к винному источнику, к Паке. Но Пака пришел им навстречу.

От бочки до бочки.

Две бочки, одна с вином,
Другая пустая...

— Меня пиши в партию! — кричит в азарте Пака. — Мы тоже молодые.

Недопески смеются. — Ты старая гагара, у нас молодой гагарленок.

Гагара хмурится на сына и грозит ему пальцем: — Старая гагара... Ах ты сопляк! Старая, да чище молодого.

— Троих пишите, — молодые... Луковцев, иди!

Сзади надвигается фигура примечательная, Луковцев, сторож магазина, бессменный и летом и зимой. Уже лет тридцать Луковцев стоит на посту. Исправники приходят и уходят, а Луковцев все тот же. Это настоящая опора Колымского казенного хозяйства. Он тоже небольшой, однако, не Паке чета. А главное расплывчатый, вязкий, тугой, как сырая смола. Смола сырая — рыжая и Луковцев рыжий. А лицо у него бабье, в морщинах и без всякой бороды и даже голова по бабьи повязана платком.

Луковцев не курит, а нюхает. Он только, что смолл немного свежей «прошки» из праздничного дара и запустил себе в нос первую огромную понюшку. Он отвечает на приглашение Паки оглушительным чохом — апчхи!

— Тьфу, будь здоров! — смеются молодые недопески.

— Нет, ты пиши, — настаивает Пака. — Ее пиши, она тоже молодая.

«Она» — это Луковцева баба, казачка, в отличие от мужа, сухая и плоская, как жердь. По росту она гренадерша, самая высокая баба по всей Колыме. Странная троика. Луковцев старый старик, Пака помоложе, а баба гренадерша без возраста. Пака давно овдовел. Детей у него пятеро. А у Луковцева детей не

¹⁾ Вправду.

бывало. Баба гренадерша обшивает и моет суматошных Гагарленков.

И так они трое живут. Про них говорят, что живут они в Чукотском браке — два мужа, одна баба. И еще говорят — гренадерша таскает своего Паку в кармане.

— Я знаю, она молодая! — настаивает Пака.

Недопески смеются, галдят. — Пиши, все одно. Старый, молодой... один умрет, другой родится, все в дело годится.

Так основался в Колымске «союз молодых», который потом, разумеется, стал Комсомолом. Впрочем, и здесь Колыма переделала по-своему южное имя и стала говорит: Максолы, Максуны. Максолы (и Максолки) сближались с налимьей печенью — максой. Максуны это рыба породы, обильная на Колыме.

ГЛАВА XIII.

Пака в сущности не пьет, он подбирает из каждого ковщика последнюю капельку. Ковшиков много и Пака навеселе. Он неожиданно становится в позицию, топает ножкой.

— Делай, — кричит он ухарским тоном, — шевелись, мертвые!

Опять составляется круг. Паке надо даму. Взрослую нельзя. Он слишком малорослый. Ему вталкивают в круг тоненькую девочку, Феньку Готовую. У ней белые волосы, как чистая кудель. Среде мешанной колымской русско-якутско-юкагирской крови все же попадает порой такая славянская отрыжка. На расстоянии Фенька кажется тоже седая, как Пака.

Ай дуду, дуду, дуду,
Она села на леду.

Пака поет и пронзительно свищет. Никто не ожидал, что у такого маленького человека такой большой свист. Мало того, Пака пускается в присядку. Сначала идет хорошо, но потом, не рассчитав фигуры, он осуществляет слова своей собственной песни и садится не на лед, а на довольно влажный мох.

К ковшику прикладываются новые и новые люди.

— Вы тоже тут! — говорит с удивлением Макарьев. Тут вся Колыма. Купцы и дьячки и чиновники. Рыжий Ковынин, Олесов, в черной рубаше, но все-таки с крестиком. Оба попа, Краснов, протоиерей и священник Кунавин, молодой с пышной бородкой и лукавыми глазами.

Выпивка — дело святое. Она на минуту свела чиновников, торговцев и бунтующую челядь. Впрочем, поречане еще не научились драться, они выпили вина революции, но крови пока не лизнули.

Макарьев глядит на Реброва с привычным дружеским любопытством. Тридцать лет он привык видеть вблизи себя эту кражистую ладную фигуру. Зато он глядит с неприязнью на двух своих товарищей купцов — Ковынина и Кешку Явловского.

— Лакаете мое! — кричит он с досадой. — Собаки! Свое, небось, спрятали.

Митька смеется и машет рукой:

— Дай срок, все будет. Все ваше будет наше! — кричит он и скалит свои крепкие белые зубы.

Подходит Викеша и докладывает деловито: — Чай цел, табаку полсумы... Прикажешь стащить в магазин?

Что можно, он сохранил для общества. Митька во второй раз махнул рукой. — Еще найдем, — сказал он беспечно.

А Пака опять пляшет. С мокрым задом и мокрыми обутками он топчется на месте и громко припевает:

Ах ты мать моя, Сидоровна,
Высоко ноги закидывала,
Акулина позавидывала.

Отчаянный Пака!...

Свист, пляска, еще свист:

Ах ты, Ванька, ты Ванька Горюн,
Ты почто, Ванька, не женишься
Ах и что это за тяжкий грех,
Подымается рубашка наверх...

Неукротимый Пака!...

Вспыхивает удаль недопесков.

— Спляшем!

Микша Берестяный вскакивает в круг и лихо ударяет мохнатую шапкою о землю. Его берестяные щеки алеют румянцем, нежным, как лист дикой розы. Губы его, как две ягоды дикой малины. Глаза выпуклые, влажные, как у юного тюленя лахтака. Картина, не парень. Он носится по кругу восьмерками и петлями, выбивая отчетливо дробь ладными подошвами своих нерпичьих сапог. Отчетливо плясать в мягкой обуви на зыбком моховище не особенно удобно.

— Викеша, иди!

Он манит товарища рукой, высовывая пальцы, как острые рога.

Викеша неожиданно сделал лосиную выходку, то есть прошелся по поляне, нагнув голову вперед и выкидывая ноги то влево, то вправо. Микша Берестяный последовал сзади. Они изображали охотника и лося. Так они сделали четыре проходки, две в одну сторону, две в другую.

Якуты, сидевшие группой в сторонке, пришли в неистовый восторг. Савка младший, так стукнул кулаком по дедову бубну, что пробил его насквозь. Мишка Слепцов, все время сидевший молча, с суровым лицом, вырвал у него бубен, дернул, пробил головой и надел себе на шею, как новый воротник. Мишка с утра добыл себе бутылку настоящего спирту, выпил и ходил, как чумовой. Он был во хмелю молчалив, но тут его прорвало. С гиканьем, с криком, он пустился выплясывать вместе с русскими новую фигуру той же лосиной пляски. Он изображал самца соперника и шел прямо навстречу проворному Викеше, выставив бубен, как будто бы рога. Он тыкал его в грудь, отскакивал, заскакивал сзади, бесновался, хралел. Бубен разорвался и повис ему на плечи, потом опустился до пояса и скатился на землю. Но они, увлеченные пляской, топтали его ногами. Так старинный юкагирский лосиный пляс превратился в начало антишаманской пропаганды.

Викеша запыхался и стал.

— Веня, Викеша, иди-ко, бабушка пришла!

Натаха ползет по земле, нагибаясь так низко, будто совсем на четвереньках. Две девушки, Фенька и Аленка, пытаются вести ее, но она нетерпеливо отбрыкивается и отталкивает их палкой.

Так постепенно она доползает до бочки, берется руками за пень, приподнимается и становится на ноги.

— Что это, свадьба? — спрашивает она хрипло.

У бабушки Натахи в голове опять спуталось. Ей чудится, что это свадьба ее собственной дочери Дуки, и кругом не Средний Колымск, а заимка Веселая.

— А здравствуй, Куропашка, — говорит она старому Паке.

Митрофан Куропашка, весельчанин, уж тоже на том свете, как и бедная Дука. Правда, и у Паки, как у Куропашки, красные глазки и сутулая спина.

Бабушка, выпей!

Пака зачерпнул и поднес наполненную ложку, но бабка оттолкнула ее рукой.

— Викентий! — подозвала она.

Викеша подошел и нагнулся с беспокойством. В глазах у старухи было что-то неживое.

— Бабушка, хочешь курить? — сделал он следующее очередное предложение.

— Ух, хочу, — прохрипела старуха, — давай!

Она взяла трубку, совсем приготовленную и даже зажженную, и жадно затянулась раз, другой. Потом приподнялась выше, упираясь рукою о пень.

Она встала во весь рост и стояла, опираясь на палку и придерживаясь рукой за пузатую винную бочку.

— Викентий Русак! — крикнула бабка Натаха. — Ты ее погубил, ты ее и выручи. Вот она летит, Викентий, слышишь? Летит, кричит... Ловите Ружейную Дуку! Дука, постой! погоди!...

Бабка оторвала руку от бочки и шагнула вперед. Потом вынула из-за пояса свой старушечий нож и стала причитать: «Отрезаю молодца, чужого чуже-

Пустился выплясывать новую фигуру той же лосиной пляски.

— Викентий, а где Дука? — сказала она неожиданно громко. — Покличь ее, скажи, Викеша плачет в зыбке.

У Викешы явилось в уме: она принимает своего внука за зятя и ему же о нем говорит, что он плачет в зыбке.

— Дука, Дука! — кликала бабка Натаха. — Куда ты ушла, на кого нас покинула? — То были слова печального призыва, как в минувшие черные годы. Бабка Натаха переживала по очереди, сперва свадьбу дочери, а потом ее гибель.

нина, Викентия, отрезаю от Дуки, от любви, от жалости, от сердца, от печени, от всего нашего рода, от всего нашего племени...».

Она хотела закончить свое старое оборванное закливание.

— Отрезаю Викентия Авилова! — крикнула еще раз Натаха и внезапно осунулась вниз и свернулась на бок.

Бабушка Натаха на своих старых крыльях полетела вдогонку за летучей Ружейной Дукой.

(Продолжение следует).

Рассказ В. ОСЬМАКА

Иллюстрации И. КОЛЕСНИКОВА.

Этим летом я пароходом возвращался домой из месячной поездки в Германию. Пассажиры быстро друг с другом перезнакомились и составили несколько тесных кружков. Ведь и среди людей существуют свои особые силы притяжения и отталкивания. Как-то под вечер завязался в нашем кружке разговор о последних успехах авиации; однако, никому из собеседников самому летать еще не приходилось.

«Правда, я летал на гидроплане раз в своей жизни, — заметил молодой еще краснофлотец из балтийского экипажа, — но впечатления от самого полета были притуплены его необычайной обстановкой. Если угодно, я вам расскажу все то, что произошло со мной, тогда еще совсем юным пионером», — просто заявил наш моряк, не дожидаясь обычных просьб и приглашений.

«Помню, — начал он свое повествование, — что к концу учебного года на меня свалился ряд неприятностей. Сначала заболела сестра scarлатиной и мне, здоровому, пришлось выдерживать дома карантин. В школе же кончались на лето занятия и я не мог отправиться со своим отрядом к Ладожскому озеру, где так мечтал половить рыбу удочками, переметами и бреднем. Обидно было. И в довершение всех несчастий, сломалась педаль от велосипеда; денег же на починку не было. Приходилось сидеть в городе, в этом огромном и душном каменном мешке.

Но следующее утро исцелило меня от всех моих невеселых, горестных размышлений. Пришло письмо от бабушки, в котором она звала меня погостить к себе и послала на дорогу 15 рублей. Конечно, я разом воспрянул духом. Дорожные деньги ушли на новую педаль, а на оставшуюся мелочь закупил себе хлеба, масла, яиц и колбасы. «Чего ехать поездом, когда и на велосипеде отлично доберешься!» — решил я про себя. Расстояние в 120—130 верст меня мало пугало, тем более, что от ближайшей станции все равно нужно было 40 верст ехать на лошадях. Старушка жила в небольшой рыбацкой деревне, у самого берега Финского залива.

Помню, ранним утром на следующий день я проезжал уже Нарвскую заставу, а через час видел позади себя один только фабричные трубы ленинградских заводов, да огромное сероватое облако из дыма и пыли, которое стояло над городом. Радостно набрав грудью побольше свежего воздуха, я крепче нажал на педали. Дорога была мне знакома и я рассчитывал еще засветло добраться до своего любимого залива. В дороге разом сказалась моя долгая сидячая жизнь. Уставал и несколько раз останавливался, но все-таки еще задолго до захода солнца был уже в намеченном месте.

Усталый и весь в поту я увидел перед собою тихую гладь огромного залива. Глубоко в него врезалась длинная песчаная коса, создав уютный уголок для купанья. Прошло не больше минут, и велосипед с дорожной сумкой одиноко стоял у прибрежного куста, а сам я с радостными воплями носился по песчаной косе, чтобы шумно затем броситься в воду. А после купанья напал на меня такой едун, что от всей провизии и единой крошки не осталось. Ну, да, до дому всего 7—8 верст осталось. Чего еще могло желать сердце голодного пионера! Сытый и довольный, я лениво оделся и растянулся у своего куста: закрыл глаза и прислушивался к мирному жужжанию пролетающих пчел и к спокойному всплеску волн, тихо ливавших берег. Да так незаметно для себя и заснул, когда же

проснулся от внутренней холодной дрожи, то и сам не понял сразу, где нахожусь.

Кругом черные, густые сумерки. Солнца и в помине не было, даже розового следа от его заката не осталось. Дул северный холодный ветер и нес с собой темные грозовые тучи. Луна была на ущербе и только изредка успевала выглянуть из закрывавших ее туч. «Здорово!» — промолвил я и несколько раз подернул от холода плечами.

Котомка на спине, велосипед вытаснен из кустов и руль уже в руках, но я продолжал стоять, чутко прислушиваясь и пристально вглядываясь в темные сумерки залива. Особенно упорно смотрел я в левую сторону, где ровный и плоский берег залива вдруг сильно сгорбился и образовал огромную, крутую гору. Оттуда-то, из-за этой горы, доносился с моря еле уловимый, низкий и глухой шум пропеллера.

«Видно, почтовый аэроплан летит в Ленинград!» — подумал я, продолжая выискивать глазами далекую машину. «Да, но если это почтовый, чего он забрался так далеко в море?» — продолжал я свои размышления, когда вдали заметил, наконец, темный силуэт машины. Мерный гул двигателя становился все слышнее и отчетливее. Аэроплан явно приближался к берегу по прямой линии. «Военный летчик?» — терялся я в догадках. — «Но почему он не зажгет сигнальных огней? Да, верно, что-нибудь испортилось в моторе и летчик решил снизиться для починки». Я заметил уже и поплавки на самолете вместо колес. Это был гидроплан.

А летчик определенно хотел снизиться. Сделав два широких круга у горы и легко коснувшись несколько раз поверхности воды, он затем врезался в нее своими поплавками, подняв целый столб брызг и пены. Наконец, в ста саженях от берега он остановился.

Я уже двинулся было к гидроплану, но в это время на нем неожиданно вспыхнул тонкий красноватый луч и побежал к берегу, как-то странно подмигивая. И словно в ответ, по направлению к гидроплану замигал с берега другой такой же луч. Повинуясь какому-то мне и самому непонятному инстинкту, я быстро залез вместе со своим велосипедом в ближайший куст и притаился. Меня встретила эта странная сигнализация, разобраться в которой я не мог. Летчику же эти световые сигналы были, очевидно, понятны, так как он быстро направил свой гидроплан к песчаной косе и остановился у ее конца в 10—15 шагах. Одновременно на берегу появилась откуда-то человеческая фигура и быстро побежала по косе к гидроплану.

Меня трясло, как в лихорадке. Я не столько боялся, сколько дрожал от возбуждения и любопытства. «Что это за люди? О чем говорят они там у гидроплана? Почему местом своей таинственной встречи они выбрали это уединенное место, от которого до ближайшего жилья целых восемь верст?» Я ничего не понимал, но тем острее и неотступнее следил за всем глазами.

Беседа таинственных незнакомцев продолжалась недолго. Летчик выпрыгнул из гидроплана и, шлепая по воде, быстро двинулся с какой-то ношей на спине к своему товарищу. Через минуту в пяти шагах от меня прошли оба незнакомца; каждый из них бережно нес в руках по объемистому свертку.

«Что же это значит? Что нужно здесь этим подозрительным людям?» И вдруг молнией пронеслась в моей голове одна догадка:

Воздушные контрабандисты!

Я отлично знал, что у наших берегов часто ловили рыбаков-контрабандистов, но здесь дело шло, очевидно, о товаре особенно дорогим. «Только шелковые чулки, духи, морфий или опий стоят воздушной перевозки» — решил я про себя.

«Ну, а что мне делать самому? Поднять тревогу в ближайшей деревне? Но пока я пробегу и проеду эти восемь верст, гидроплан, конечно, снимется и улетит обратно в Эстонию или Финляндию, а сообщник его легко скроется со своим товаром. Ищи ветра в поле! Нет, так не годится. Нужно все проследить до конца, а там видно будет».

В то время я ни на одно мгновение не подумал о самом себе, о том огромном риске, которому подвергался, следя за двумя контрабандистами. Правда, и во мне сидел страх, но только он притаился пока и съезжился перед жгучим любопытством и твердой решимостью насквозь выяснить

сноп лучей от прожектора сторожевого судна. В тот же миг деревянный круг выпал из рук летчика и он с пронзительным криком вдруг бросился бежать к заливу. Причину этой внезапной тревоги ясно понял и я.

Увлечшись своим преследованием, я слишком подался вперед, высунулся за камень головой и плечами. Неожиданный луч прожектора четко отбросил мою тень, которая и легла около летчика. Отчаянный страх завладел теперь и мною. Ничего не сознавая и не понимая, я поддался только одной мысли: «Удирай!», кубарем скатился с камня и как раз угодил под ноги другому контрабандисту, который в ужасе бежал к тому же спасительному для него самолету. С проклятием он перелетел через меня, растянулся, но тотчас же поднялся и... увидел перед собой одного только лежащего на земле мальчишку-пионера.

Дальше случилось, конечно, то, что и должно было случиться.

Я слишком подался вперед.

все дело до конца. И когда те, кого я принимал за контрабандистов, быстрым шагом тронулись к горе, следом за ними ползком отправился и я, отчаянно сожалея о том, что незнаком с управлением самолета. Ведь так легко было мне пробраться по косе к машине и, если не улететь на ней, то хотя бы уплыть в залив подальше от берега.

Трудно было ползти на коленях и локтях, прикрываясь каждым кустом или прячась за камнями. Вдруг две фигуры исчезли так внезапно, словно сквозь землю провалились. Я пополз быстрее. Боязнь упустить из виду таинственных незнакомцев заставила меня забыть о необходимой осторожности. Наконец, влево от меня, за огромной каменной глыбой, я услышал тихий разговор. Чуть дыша от страха и волнения, я начал взбираться на камень, и увидел оттуда, в 10 — 15 шагах, небольшую, но глубокую яму. В этой яме и находились две знакомых мне фигуры. Летчик стоял на ногах и придерживал руками большой деревянный круг, сверху выложенный дерном, а под кругом стоял на коленях другой и убирал в этот тайник привезенные свертки.

«Ясно, что контрабандисты!» — успел я только подумать, как вдруг откуда-то с залива упал на берег яркий

Замигала по направлению к гидроплану красная точка и через минуту уже оба контрабандиста торопливо обсуждали, что им делать со следившим за ними «шпионом».

Связанный, я лежал на земле и мог уловить только отдельные слова из их разговора, который они вели быстро, но шепотом.

«Не здесь, только не здесь!» — услышал я громкие слова летчика, который и подошел ко мне с лицом, все еще перекошенным злобой и только что пережитым им ужасом. «Ты пионер? Тебе по душе, конечно, разные приключения, так я познакомлю тебя с таким приключением, что весь свой век не забудешь!»

Летчик развязал веревку, схватил меня за руку и повел к песчаной косе, а следом за ним шел другой с направленным в мою голову револьвером. Все мы трое скоро зашлепали по воде к гидроплану.

«Ну, ползай!» — грубо и отрывисто приказал мне летчик.

Я, совершенно растерянный, продолжал стоять неподвижно, пока не почувствовал сильного оглушительного удара в голову. «Я не хочу! Куда лететь? Отпустите

меня!» — пронеслось в моей затуманенной голове, когда же очнулся, то увидел, что сижу позади летчика, а другой стоял на песчаной косе.

* * *

Первые моменты моего подневольного путешествия на самолете я плохо помню. Был, как в дурмане. Одно только сознавал отчетливо: если немедленно выброшусь из гидроплана, то угрозу под пулю того другого на песчаной косе. А самолет тем временем круто взмывался, забирая все выше и выше; а вместе с тем пропадала и единственная надежда на спасение, выброшусь в море.

Вот тут-то и вцепился в меня самый дикий, животный страх. Ровный шум пропеллера, казалось, свивал около моей шеи невидимую петлю смерти, которая с медленной, но верной постепенностью все туже закручивалась и начинала душить; залив, там далеко внизу, казался мне огромной гробовой плитой, а свинцовые тучи сверху — черным погребальным саваном.

Помню, я громко выкрикивал какие-то жалобные слова, обращаясь к летчику, но тот либо притворялся, что не слышит их, либо просто отвечать не хотел. Последнее — вернее. Впрочем, моим слезоточивым призывам вскоре настал естественный конец.

Гидроплан начал медленно снижаться, а затем и совсем опустился на воду. В этот момент из-за тяжелых туч выглянула луна и осветила своим мертвенным светом густую камышовую заросль, волнуемую сильным ветром. В нее-то и врезался гидроплан, быстро ее прошел и, наконец, замедляя ход, остановился, когда почувствовался первый легкий толчок.

«Выходи!» — раздавалось отрывистое приказание.

Я нерешительно поднялся и осмотрелся. Впереди я видел какой-то топкий берег, а по бокам тянулся все тот же густой камыш. Вновь сильный приступ отчаянного страха и я беспомощно опустился на свое прежнее место. В этот момент летчик схватил меня одной рукой за горло, а другой за пояс и, едва не задушив, выбросил, как щенка, из гидроплана к берегу.

Очутившись в воде, я сразу пришел в себя. Со мной произошло какое-то чудо. Куда девалась моя беспомощность и бессильная робость. Зажглась вдруг дикая злоба и взялась откуда-то звериная решимость упорно бороться за свою жизнь до последней возможности. Я всем своим существом почувствовал, что меня оставляют здесь на верную смерть и мой единственный путь к спасению — все тот же гидроплан. А тот уже вновь загудел и начал от меня медленно удаляться. Молча, стиснув зубы, я бросился к уходившим от меня поплавок и в самый последний момент успел за один из них ухватиться.

«Эй, красный галстук, держись крепче!» — услышал я насмешливый голос проклятого летчика. Вот тут-то и начались мои горькие муки. Гидроплан начал быстро кружиться по зарослям. Судорожно уцепившись за поплавок, я принялся бешено кружиться вместе с машиной, раздирать себе до крови лицо и руки, то и дело захлебываясь от частых погружений в воду. Так прошла минута, другая, когда моему мучителю надоела, наконец, эта жестокая забава и, быстро увеличив скорость, он так погрузил мой поплавок, что я в один миг оторвался от гидроплана. Когда же я вынырнул и с трудом пришел в себя, он уже был от меня в трехстах шагах и начинал подниматься.

Плавал я и тогда недурно, но все происшествие этой ночи так меня обессилило, что я с трудом держался на воде. Лег на спину, чтобы хоть немного отдохнуть и медленно подвигался к камышам, из которых выволок меня мой мучитель. Ведь там за камышами был какой-то берег, а долго на воде мне никак не продержаться. Подплыв к камышам, я убедился, что пробраться через них

я могу только по старым следам гидроплана. Так густа была камышовая заросль. Я совсем уже выбыл из сил, пока не почувствовал, наконец, под ногами спасительного дна. Однако радость м.я оказалась преждевременной. Дно было вязкое и меня не держало. Ободрила меня в этот крайний момент только мысль, что раз я достаю уже дно, то значит близок и спасительный берег.

Не буду останавливаться на всех долгих мучениях в поисках берега. Да я и сам хорошенько не помню, как добрался до него. Знаю только, что в глазах у меня плавали красные круги, когда я лежал неподвижно на спине. И в этот-то момент я сделал самое ужасное для меня открытие...

Меня засасывало. Я видел, как постепенно вспучивалась и поднималась по бокам моего тела болотная топь, как медленно, но верно я тихо погружался в мягкую, теплую трясины. Это засасывание меня сначала как-то очаровало, так хотелось отдохнуть и безвольно отдаться неизбежной участи. Лишь бы продолжать только вот так спокойно лежать и не двигать ни единым мускулом, не пошевелить даже и пальцем. Опомился я лишь тогда, когда зыбкая топь глухо причмокнула и совсем уже втянула в себя до пояса. Я житель севера и мальчишкой много шатался по разным болотам, а потому сообразил в одно мгновение, что единственный мой шанс на спасение — не пытаться встать на ноги, а перекатиться всем корпусом на другое, более твердое место. Тихо вытянув свои руки, я слегка ухватился

ими за мох и затем быстро перекатил свой корпус на другое место. Но лишь только успел я освободить свои ноги, как снова почувствовал, что и новое место — все та же зыбкая топь. Так перекачивался я несколько раз и каждый раз все с тем же печальным результатом.

В этой новой борьбе ушли, наконец, мои последние силы и, с тупым отчаянием, я почти мертвый от усталости медленно засасывался вонючей топью. Инстинктивно я старался выше держать только свою голову, но тем быстрее погружался мой корпус. Когда я уже на три четверти погрузился в вонючую грязь и смерть заглянула мне прямо в глаза, то вновь пробудилось во мне острое желание жизни. Я бес-

смысленно забился, стараясь еще раз выбраться из проклятой трясины, но в итоге только быстрее засасывался.

В диком порыве я начал хвататься руками за все, что ни попадалось и, наконец, ухватился за какой-то твердый предмет. Так продержался я с минуту, чтобы притти в себя и понять, что спасло меня в последний момент от жуткой смерти. Все сильнее подтягиваясь руками, мне удалось, наконец, освободиться от мягкой, но цепкой проклятой топи. Усевшись на спасительном месте, я увидел что подо мной находился нос широкой лодки почти до бортов ушедшей в зыбкую трясины, а кормой своей упиравшейся в самую воду.

Откуда она взялась, какая волна выбросила ее на этот злобный мнимый берег, я не разбирался. Она спасла меня — это было все. Она же позволила и выбраться мне из этого жуткого места. Не подумайте что мне удалось уплыть на ней. Разве мог я, измученный и обессилевший, сначала освободить лодку от присосавшейся к ней тины, а затем пуститься на ней без весел в эту бурную погоду. Нет, она спасла меня тем, что лежала как раз в том самом месте, где я, словно молодой щенок, был выброшен из гидроплана. Она спасла меня и тем белесоватым предметом, который через некоторое время был замечен мною на ее корме. Отлично помню, с какой кошачьей осторожностью тихо пробирался я к этому предмету, каждый миг опасаясь, что вот-вот раздастся снова глухой вздох и моя спасительница начнет погружаться в ужасную трясины. Этого, к счастью, не случилось и я благополучно вернулся со своей добычей на прежнее место.

„Эй, красный галстук, держись крепче!“

В моих руках был завернутый в газету сигарный ящик, а внутри его находилась пачка папирос, коробок спичек и какие-то бумаги на иностранном языке. Будь у меня больше сил, я прямо закричал бы от радости при виде спичек. Ведь спички для меня были единственным способом дать знать о своем безвыходном положении. Кто услышал бы мои крики в нескольких километрах от берега. Кто увидел бы меня за стеной густого камыша даже в ясный день. Нет, световой сигнал был единственным для меня средством вызвать помощь со стороны.

Торопливо я запалил газету и начал размахивать своей поднятой рукой по направлению к берегу. Бумага быстро сгорела и я принялся тогда за сигарную коробку, отдельно сжигая крышку, дно и бока. Прошло уже с полчаса, но я ни откуда не слышал ни приближавшегося всплеска весла, ни ответного возгласа на мои крики, которыми я сопровождал мои световые сигналы. Отчаяние вновь начинало забираться в мою душу и тогда я сорвал свой воротник, поджег его и махал им до тех пор, пока в нем была хоть одна искра света.

Рука была обожжена и нестерпимо ныла, я сам охрип от своих напрасных воплей и совершенно отупелый стоял в лодке, близкий к полному отчаянию.

«Эй! Кто там?» — раздался неожиданный возглас за моей спиной. Быстро обернувшись, я увидел, как наискось из камышей, в 30—40 шагах от меня, выходила большая лодка, а на носу виднелась человеческая фигура с винтовкой в руках.

Это была сторожевая шлюпка нашей пограничной

стражи. Как я узнал позже, мое присутствие на «мокрой» отмели (так называли наши рыбаки это зловещее подобие острова) было замечено уже по первому моему сигналу. Вторые и последующие сигналы показались подозрительными, а потому сторожевая шлюпка предварительно раза два оплыла вокруг тростников, опоясывавших это гиблое место. Моих криков пограничники не слышали: когда они дважды проходили по камышам, то в это время я уже замолк с отчаяния.

Таков был мой первый полет, не оставивший во мне о нем самом отчетливых впечатлений. Помню, что меня на сильно заставили выпить целый стакан не то водки, не то коньяку и, укутав в пальто, свезли сначала на погранпункт, где я полусонный, полупьяный, а больше всего измученный, толково все же рассказал мою историю с начала до конца. Увы! Своего велосипеда я не нашел на прежнем месте. Очевидно им воспользовался контрабандист. Не оказалось в яме и товаров. А через месяц я получил совершенно новенький велосипед за те бумаги на иностранном языке, которые были сначала мною оставлены на носу полужасосанной лодки на «мокрой» отмели, но за которыми вторично съездили после моего подробного рассказа на погранпункте. На свое счастье, я позабыл употребить их в качестве световых сигналов, они же осветили многое в делах не только по контрабанде, но и шпионажу.

«Вы спрашиваете, как могла попасть в лодку сигарная коробка? — Да ее вместе со мной вышвырнул летчик, конечно!»

„КАК БЫСТРО ВЫ СООБРАЖАЕТЕ?“

Новые испытания Сэма Флойда.

АМЕРИКАНСКИЙ СПЕКУЛЯНТ.

ОДИН американский спекулянт, уплатив за всю землю 25.000 долларов, разделил его на куски, по 3 участка в каждом и продал их по 750 долларов за участок. Вырученная им прибыль равнялась той сумме, которую он сам уплатил за 75 участков.

Сколько участков заключалось во всем куске земли?

ЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.

МОЙ приятель рассказал мне, что его дедушка женился на сестре своей вдовы. Я сначала возразил ему, что его дедушка прежде должен был умереть, чтобы его жена стала вдовой и, следовательно, никак не мог жениться на ее сестре. Но подумав, я согласился с правильностью его утверждения. Как же это могло случиться?

СКОЛЬКО СТОЯТ ОМАРЫ.

У АМЕРИКАНЦЕВ существует поговорка: «это также трудно отгадать, как цену омара». Происхождение ее такое:

В 1829 г. в американской палате депутатов во время прений о налоге на сырье депутат одного штата спросил, как можно высчитать первоначальную цену омара. На вопрос, что ему известно о цене омаров, он мог только ответить: «цены колеблются, но местные ловцы получают за дюжину омаров столько же шиллингов, сколько они дают омаров на 32 шиллинга».

Можете ли вы на основании этих сбивчивых данных высчитать первоначальную цену омара в те времена в Америке?

ЗАЯЦ И ЧЕРЕПАХА.

ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ молодой заяц, желая опровергнуть возведенную Эзопом на его предков клевету, предложил черепахе состязаться с ним в беге по окружности длинной

в 100 ярдов. Они условились бежать в противоположных направлениях и заяц дал своей сопернице фору в одну восьмую расстояния.

Заяц был такого низкого мнения о качествах своей соперницы что передвигался ногой за ногу, пощипывал по пути травку и только тогда обнаружил, что усердная черепаха угрожает его репутации, когда встретился с ней, покрыв всего лишь одну шестую своих 100 ярдов. Встретившись заяц как можно быстрее пробежал оставшееся ему расстояние и был счастлив уж тем, что закончил состязание одновременно с черепахой.

Насколько быстрее двигался заяц после встречи с черепахой?

ГОРОШЕК ТЕТКИ МЭРИ.

ТЕТКА Мэри купила детям сладкого горошка. Она дала старшему мальчику 1 горошину и $\frac{1}{4}$ часть всех остальных горошин. Старшей девочке она также дала 1 горошину и $\frac{1}{4}$ часть остатка. Младшему мальчику тоже дала 1 горошину и $\frac{1}{4}$ остатка. Младшая девочка тоже получила 1 горошину и $\frac{1}{4}$ остатка.

Дети высчитали, что мальчики получили на 100 горошин больше чем девочки. Сколько же горошин тетка Мэри оставила для себя?

Машина Каюты.

Рассказ Ярчи.

ГЛАВА I. ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

— Джон, послушай! Смайлер Гаунт вихрем ворвался в мастерскую своего отца, но замер на полуслове. Джон Крукер движением руки заставил его замолчать.

Смайлер разом понял, чем занят был в этот момент его скопи-

домный друг; он подсчитывал, конечно, свою наличность и внутренне терзался тем, что тратил слишком много, жил далеко не по своим средствам.

Трудно представить себе две более противоположные натуры, чем Джона и Смайлера. Один был весел и задорен, другой — тих и молчалив; один был уверен, что возьмет жизнь за рога, другой боялся, что она его забодает; один тратил все, что зарабатывал, другой все копил «на черный день»; один смеялся над всякой сверхъестественной чертовщиной, другой до смерти боялся всяких привидений и потусторонней нечисти; один страстно любил раскрывать настоящую подоплеку всяких таинственных историй, другой участвовал в этих исследованиях только в надежде заработать изрядный куш.

И тем не менее, они были друзьями, эти только что расставшиеся со среднешкольной скамьей молодые люди. Мало того, они прекрасно дополняли друг друга в том, что всего больше занимало Смайлера, а именно, в раскрытии всевозможных таинственных историй. Не случаи кражи, грабежа или убийства захватывали целиком Смайлера, а те необычайные, таинственные происшествия, которые заставляли предполагать здесь вмешательство какой-то сверхъестественной силы. «Раскрывателем тайн» прозвали Смайлера еще на школьной семье, так как уже в это время он шутил распутал множество таких таинственных историй, которые взрослых людей ставили в тупик. Вот здесь-то его боязливый друг, Джон, и помогал ему часто своими наблюдениями. Правда, эти наблюдения практичного Джона касались не самих таинственных сил, а только простого жульничества или обмана, которые примешивались к какому-нибудь таинственному происшествию. Сам же Джон искренно побаивался и привидений, и духов, и таинственных сил.

В данный момент Смайлер смотрел, улыбаясь, на Джона, который вскочил с диким видом со стула и схватился за волосы. У него было лицо человека, понесшего ужасные потери. Казалось, он соображал — предпочесть ли ему яд или выстрел из револьвера.

— В чем дело, Джон?

— Я подвел итоги за три месяца и, — чорт возьми! — я потратил уже двенадцать фунтов и два с половиной пенса... Я разорен, Мориц!

— Хватит ли у тебя средств, чтобы добраться до Саутгэмптона? — спросил Мориц Гаунт, и в голосе его нельзя было уловить сочувствия.

— При чем тут Саутгэмптон? Не шути, Мориц. У меня серьезные финансовые неприятности.

— Представляется случай поправить твои дела и честно заработать. Дело только в том, чтоб поймать духа.

Джон нервными пальцами схватился за подбородок, краска сбежала с его щек. Свободной рукой он оттолкнул Смайлера.

— Нет, спасибо. Никаких духов! Я не пойду.

— Нет, ты пойдешь! — зарычал Мориц, — или я пришло к тебе всех духов, каких только знаю. Они будут собираться по ночам вокруг твоей кровати и устраивать тебе разные штуки. Ты будешь чувствовать их холодные, клейкие руки на твоём лице, ты будешь слышать, как их кости...

— Я... я пойду, — пролепетал Джон.

Гаунт рассмеялся и достал из кармана письмо, написанное на пишущей машинке. Он подвинул его через стол своему приятелю. Джон, читая письмо, высоко поднял брови и даже свистнул от изумления.

«Мистеру Гаунту и Крукеру.

Милостивые Государи!

Нам известно, как блестяще вам удалось раскрыть многие тайны, и мы пришли к заключению, что вы можете быть чрезвычайно полезны и в нашем случае.

Речь идет о таинственных происшествиях на нашем грузовом пароходе «Королева Океана», которые стоят нам больших денег. Телеграфируйте, согласны ли вы заняться этим делом.

Преданный вам Губер.

Управляющий пароходным обществом «Блэк Феннель».

— «Королева Океана!» — воскликнул Джон, — дай-ка вспомнить. Да ведь на днях ее капитана нашли в каюте мертвым и даже очень основательно мертвым.

— Правильно, — кивнул Смайлер. — Следствие установило, что смерть произошла от разрыва сердца, вызванного потрясением, но причина потрясения осталась невыясненной. Это может оказаться интересным случаем.

— Д-да, — согласился Джон, но по его голосу можно было догадаться, что он далеко не в восторге.

Они запаковали свои чемоданы и, несколько часов спустя, были уже в морском порту. Смайлер предварительно послал телеграмму м-ру Губеру, и тот ждал их с экипажем. Он был крайне удивлен молодостью приехавших к нему лиц.

— Если вам не удастся выяснить эту дурацкую историю, то я не знаю, что мне делать! — сказал м-р Губер, когда они очутились в его конторе. — Пароход «Королева Океана», вместимостью в 4.000 тонн, плавает четыре года. Первый год он делал отличные дела, но с тех пор начались все эти странные происшествия, центром которых является капитанская каюта. Началось с того, что капитан Вильямс покончил самоубийством с помощью шелковой веревки тугов). Это случилось на обратном пути из Индии. У бедняги были денежные затруднения. С тех пор все и пошло. Его заменил капитан Робинсон, старый морской волк. Он поместился в той же каюте. Я не счел нужным рассказывать ему о самоубийстве капитана Вильямса. Моряки суеверны.

Когда корабль вернулся в порт, и я снова увидел Робинсона, то ужаснулся происшедшей с ним перемене. Его щеки ввалились, он был мертвенно бледен и дрожал, как в лихорадке.

— На вашем корабле — духи! — сказал он.

— Духи?! — воскликнул я.

— Посмотрите же, что случилось со мной! Нечто, о чем мне бы не хотелось говорить, делает мою каюту ужасной по ночам. Что-то холодное и клейкое касается моего лица и шеи, когда я лежу на койке. Это ужасно! Кажется, что вас душат.

С этими потрясающими словами Робинсон вышел из комнаты. Вы можете себе представить, что я чувствовал. Я невольно подумал о капитане Вильямсе.

Мы внимательно осмотрели каюту, но ничего не нашли. Взяли другого капитана, но он вообще не вернулся.

1) Туги — секта душителей.

— Что вы хотите этим сказать? — ужаснулся Мориц.
— Просто, что из веселого малого он превратился в очень странного человека и кончил тем, что однажды темной ночью прыгнул за борт. После этого мы поставили корабль в порт на шесть месяцев.

В начале прошлого года к нам поступил капитан Джэксон, он благополучно сделал шесть рейсов. Я вздохнул было с облегчением, воображал, что несчастьям пришел конец. Джэксона сменил, однако, капитан Блэквуд. Он совершил рейс в Нью-Йорк и обратно. Это был его последний рейс.

Капитан был крупный человек, который верил только в факты, и трудно себе было представить его страдающим нервами. Когда я рассказал ему про каюту, — он расхохотался. А ведь вы, наверное, знаете, что произошло за два дня до прихода в Саутгэмон? Его нашли мертвым с пеной на губах; кровь сочилась из двух маленьких ранок на его шее.

Вот тайна, которую вы должны раскрыть. Общество предлагает за это сто гиней.

Когда Губер кончил свою таинственную историю, Джон и Смайлер переглянулись.

— Ясно, что это дух Вильямса! — хрипло сказал Джон. — «Он» старается задушить всякого, кто пользуется каютой.

— «Собака на сене лежит»... — усмехнулся Смайлер. — Нужно найти какое-то естественное объяснение.

— Если мы найдем капитана, корабль может через три дня отправиться в Ниццу, — сказал м-р Губер.

— Может быть вы отправитесь на нем, все эти истории происходят только в плавании.

— Отлично! — воскликнул Мориц, а Джон мрачно кивнул головой.

В эту минуту клерк подал управляющему визитную карточку. М-р Губер взглянул на нее и довольно улыбнулся.

— Капитан без места. Попросите его, Ричардс. — Пожалуйста, оставайтесь, ребята. Вам незачем уходить.

В дверях появился огромный человек в форме торгового флота. Он был больше шести футов роста; квадратная челюсть и открытые голубые глаза дополняли его облик. Стул затрепал, когда он сел.

— Итак, вы хотите вступить в командование «Королевой Океана», капитан Хэнт?

— Если вы ничего не имеете против, сэр. Моя фирма лопнула, и я без места. Я был бы очень рад командовать «Королевой Океана» и, конечно, меня не пугают сказки, которые рассказываются о ней в порту.

— Я как раз условился с этими молодыми людьми относительно выяснения этого вопроса, — улыбаясь сказал управляющий.

Моряк взглянул на Джона и на Морица, и, юноши почувствовали, что взгляд этот не был одобрителен. Капитан Хэнт громко фыркнул.

— Это не мое дело, но я назвал бы это — швырянием денег. Тем не менее, я постараюсь, чтобы им не мешали.

Итак, «Королева Океана» получила нового капитана. Когда Хэнт вышел из конторы, м-р Губер покачал головой. Уже трижды он отправлял в путь людей не менее скептически настроенных, и двое из них уже не вернулись, чтобы рассказать, как изменили они свое мнение. Он ударил кулаком по столу.

— Если что-нибудь с ним случится и вы не сможете этого выяснить, я употреблю все свое влияние, чтобы корабль был отдан на слом.

— Подумайте о потерях, дорогой мистер Губер, — воскликнул Джон, всплеснув руками. — Это будет ужасно невыгодно для вас.

ГЛАВА II. НАЧИНАЕТСЯ.

Младшие помощники на «Королеве Океана» были те же, что при последнем капитане. От них-то Гаунт и Крукер и узнали многие подробности о таинственных явлениях.

Блэквуд, повидимому, начал испытывать какие-то неприятности только на обратном пути из Нью-Йорка. Он стал мрачен, грубо обращался с помощниками и, что было всего подозрительнее, — перестал спать по ночам, начал бродить по палубе вместо того, чтобы отдыхать в своей каюте.

Кое-что узнал Мориц и от матросов.

— Пусть я лопну, если это не дух мучил его, сэр! — воскликнул один из старых матросов. — Я слышал, как он бормотал что-то о холодных и клейких пальцах. Набрав-

шись храбрости, я прямо спросил — не видел ли он духа. Он только взглянул на меня и отошел.

— Итак, вы уверены, что на корабле не чисто? — спросил Гаунт.

— Да, уверен. Как только я пошел на этот корабль, я сразу же увидел, что здесь что-то неладно. Я никогда еще не видел корабля, на котором было бы так мало крыс. Их здесь днем с огнем не найдешь. Они покидают корабль сэр.

Мориц только улыбнулся этому старому морскому суеверию, но все же решил исследовать это странное отсутствие крыс. Грузовые корабли, даже новейшие и лучшие, обычно кишат грызунами.

М-р Губер показал им каюту, где происходили все таинственные события. Она находилась под кормовым мостиком и в нее только что внесли вещи капитана Хэнта. Смайлер и Джон внимательно ее осматрели, но не нашли ничего необычайного. Койка помещалась с правой стороны, у самой двери, а электрический выключатель был тут же под рукой.

— Когда мы нашли Блэквуда, электричество горело, — сказал управляющий.

— О-го! Станный дух, который не боится света! — воскликнул Джон.

— Должен сказать вам еще одну вещь, — продолжал мистер Губер. — Почти все капитаны доносили о кражах груза, правда, мелких, но выполненных с замечательным искусством. Мы потеряли таким образом на триста фунтов товаров за год.

— Ужасно! — застонал Джон. — И вы не пробовали ставить западни?

— Западни? Третий помощник просто помешан на них, но ему ни разу не удалось поймать вора. Он ставил людей в трюме, но товары исчезали перед самым их носом. Теперь он клянется, что это мог быть лишь дух.

— А после событий в каюте, кражи не прекращаются? — спросил Мориц.

— Да, после крупных происшествий кражи обычно надолго прекращаются, словно сам вор бывал напуган.

Капитан Хэнт, войдя в каюту, грубовато, но сердечно приветствовал двух друзей. Было ясно, что он считает их пребывание на пароходе напрасной тратой денег, но подчиняется владельцам корабля и всячески готов помочь им в ловле духа. Он положил на стол большой револьвер.

— Теперь, г-н помощник, — сказал он, — дайте знать всем на корабле, что у меня есть оружие и что я умею с ним обращаться. Если дух явится ко мне в каюту, я сперва буду стрелять, а потом разговаривать. Со мной шутки плохи.

Через два дня «Королева Океана» вышла в море. Теперь бедному Джону было не до духов. Он оплакивал лавочку в Рэмбурне и свои финансовые операции. Мориц, напротив, наслаждался и не желал ничего лучшего, как вечно заниматься ловлей духов на борту корабля.

Когда на первое утро Мориц спросил капитана Хэнта, не тревожили ли его духи, тот ответил лишь взрывом громкого хохота.

— Дух — если вообще он когда-нибудь существовал — пропал, Гаунт. Револьвер испугал его. Теперь он ограничивается мелкими кражами. Иванс донес мне, что этой ночью из третьего трюма пропал тюк шелка. Интересно, как он это узнал.

Третий помощник покраснел и несколько смутился. Это был угрюмый человек лет тридцати.

— Я знаю каждый тюк, попадающий в трюм, сэр. Я уже три года на этом судне и все время стараюсь поймать вора. Я каждое утро хожу смотреть — не пропало ли что-нибудь. Я поймаю этого мошенника, хотя бы мне пришлось для этого всю жизнь провести на этом корабле.

— Надеюсь, что дух не поймает вас! — пошутил капитан.

Иванс вздрогнул и торопливо отошел. Смайлер и Джон в сопровождении матросов спустились в трюм. Мориц заметил в трюме круглую медную крышку от люка и спросил о его назначении.

— Он ведет в междудонные отделения, сэр. Не думаю, чтобы кто-нибудь спускался туда со времени постройки корабля. Там, должно быть, мрачно и сыро. А вокруг машинного отделения — жарко.

— Я не видел ни одной крысы! — простонал Джон. — Также и никто из нас; вот это-то и скверно! — сказал матрос.

Вернувшись в свою каюту, Мориц Гаунт бросился на койку.

— Придется духа дожидаться! — проворчал он.

И это случилось в ту же ночь. Около трех часов друзья были разбужены тремя выстрелами.

— Стреляют...

— Капитан...

Смайлер выпрыгнул из койки и бросился к двери. Открыв ее, он увидел полуодетого Иванса, выходящего из каюты. При виде молодых людей он вздрогнул.

— Вы слышали? Я готов поклясться, что это — револьвер капитана Хэнта.

Они пронеслись по коридору и достигли двери каюты одновременно с вахтенным начальником. Мориц забарабанил в дверь и она тотчас же открылась.

Капитан стоял посреди каюты с еще дымящимся револьвером в руке. Его лицо было совершенно бескровно.

— Тысяча чертей! Я начинаю думать, что в каюте что-то неладно. Я проснулся несколько минут тому назад от омерзительного ощущения. Что-то холодное и липкое обхватывало мою шею. Это — невозможно объяснить. Я был парализован сверхъестественным ужасом и лежал, как пласт. Потом я очнулся, зажег свет и увидел, что мои туфли под полкой шевелятся. Я выстрелил в них.

Он налил себе бренди, а Смайлер занялся изучением пола. Туфли были разбиты, но в этом могли быть виноваты и револьверные выстрелы. В том месте, где полка примыкала к стене, была небольшая дыра, вроде крысиной, и больше ничего. Мориц недоумевал.

— Вы опрокинули эту лампу? — спросил он, указывая на стоячую лампу, которая валялась в углу каюты.

— Нет! — сказал Хэнт. — Можно подумать, что она была брошена со страшной силой. Но что это?

На полу валялась куртка, и зоркий капитан увидел, что из-под нее торчит голова. Голова эта принадлежала маленькому черному ко-ту капитана.

— Феликс, мой приятель! Он мертв, как мертвое море!

Это было, действительно, так. Тело животного изогнулось словно в страшных судорогах; мордочка была покрыта пеной. Капелька крови запеклась около шеи.

— Он умер подобно капитану Блэквуду, по рассказам м-ра Губера, — пробормотал Джон.

— Чепуха! — загремел капитан. — Почему именно в этой каюте завелись духи? Я не раз спал в комнате, где было совершено самоубийство, и ничего не случилось. Но, сегодня, тысячи чертей, гром и молнии! Я чувствовал вокруг моей шеи туго затянутую петлю.

Капитан Хэнт обладал железными нервами. Он отказался переменить каюту, выпроводил своих посетителей и закрыл дверь. Он провел остатки ночи, сидя у стола с револьвером в руке. Свет не был погашен. Капитан Хэнт искренне надеялся, что дух посетит его еще раз.

— Мне это не нравится! — сказал Джон. — Я отправляюсь домой...

— Конечно! — ответил его приятель. — Тебе недалеко придется плыть. Всего каких-нибудь триста миль.

Я выстрелил в них.

ГЛАВА III.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

Следующая ночь на борту «Королевы Океана» прошла спокойно; дух удовлетворился похищением двух небольших тюков из трюма. Иванс чуть не лишился чувств, узнав об этом и хотел обыскать все каюты, но капитан Хэнт нашел это лишним.

— Еще одна ночь и мы в Ницце, — сказал Смайлер. — Сегодня во что бы то ни стало необходимо поймать духа, чтобы мы могли послать телеграмму м-ру Губеру, что все в порядке.

— Мориц! — начал таинственно Джон. — Мне пришло в голову, что третий помощник имеет какое-то отношение к духу.

— Что навело тебя на такую мысль, Джон?

— Его поведение вообще, и то, что за последние две ночи, он все что-то прятался по коридорам. Да и вообще он мрачный такой и скрытный.

— Да, пожалуй, Джонни, в нем есть что-то странное. Присматривай за ним, а я постараюсь получить разрешение у капитана провести ночь в его каюте. Надо принимать решительные меры.

Капитан Хэнт был упрям, сам хотел расправиться с духом и считал, что для этого револьвер — лучшее средство.

В конце концов он все же согласился, чтобы Гаунт находился в его каюте, пока он будет на мостике.

Смайлер поблагодарил его и провел остаток дня в трюме и близ машинного отделения. Он открыл один из люков в междудонные отделения; теплый, сырой воздух, потянувшийся оттуда, вызвал у него головкру-

жение. Но вместе с теплотой и сыростью из люка шел запах и мускуса. Это удивило Морица, но только когда он вышел уже на палубу, в его голове зашевелилось подозрение.

— Невозможно! Нет, нет, невозможно... Но?..

Мимо проходил Иванс, он окинул Морица косым взглядом маленьких глазок. Мориц остановил его.

— А вы не боитесь, м-р Иванс, встретиться духа, когда охотитесь в трюме за воров?

— Нет, — прозвучал короткий ответ. Он является только в ка-

питанской каюте. Все это ерунда.

Острые глаза Смайлера заметили, что губы Иванса нервно вздрагивают, а пальцы играют лоскутом бумаги. Казалось, третий помощник сам не верит своим храбрым словам.

Наконец, наступила ночь. Около полуночи капитан Хэнт постучал в дверь своих пассажиров. Это значило, что он подымается на вахту.

Мориц открыл дверь и выскользнул в коридор. Когда он вернулся за Джоном, тот уже исчез.

— Чорт бы его побрал! — проворчал Смайлер.

Он обыскал весь пароход, но нигде не нашел своего приятеля. Казалось, что Джон спрятался, чтобы не итти только в ужасную каюту. Гаунт поклялся основательно разделаться с беглецом, когда тот найдется. И вдруг, раздался знакомый голос:

— Мориц!

— Что ты тут делаешь? — воскликнул Смайлер, разглядев, наконец, торчавшую голову своего друга.

— Я был в трюме, — раздался шопот, — и я знаю, кто вор. Это — Иванс.

— Как? Не может быть! Он все свое свободное время охотился за воров.

— Чтобы скрыть, что он и есть этот вор. Слезай и посмотри сам.

Мориц повиновался. Они спустились по стальному трапу в первый трюм и стали пробиваться на цыпочках дальше. Джонни схватил Смайлера за руку и указал на слабый свет в отдалении. Но этот свет был достаточно ярок, чтобы они могли разглядеть коленопреклоненную фигуру третьего помощника. Он, казалось, что-то выслеживал сквозь маленькое отверстие в переборке.

Мальчики подкрались ближе и увидели, что вокруг неподвижного человека нагромождено множество небольших тюков. Они наблюдали за ним в течение нескольких минут, а затем Смайлер с криком бросился вперед и схватил Иванса за плечо. Иванс свалился на бок.

— Он мертв! — прохрипел Мориц. — Он убит тем же способом, что и капитан Блэквуд!

И это было правда. Третий помощник жалкий воришка, совершил свое последнее хищение. Таинственный дух унес его. Два кровавых пятнышка на щеке были единственным

его следом. Тело окаменело и на лице застыло выражение ужаса. Джон бросился за капитаном.

— Гром и молния! — загремел капитан Хэнт. — Если тайна не будет раскрыта — это мой последний рейс на «Королеве Океана».

Джон показывая на трос, спускавшийся между двумя частями переборки, воскликнул:

— Видите, он привязывал тюки к этому концу, который, очевидно, идет из его каюты. И все, что ему оставалось делать — это пройти к себе в каюту, втащить добычу наверх и потом потихонечку переправлять контрабанду на берег. Он был неглуп!

— С вашего позволения, капитан, — сказал Смайлер, — мы пройдем в вашу каюту и будем поджидать духа. Я думаю, есть надежда, что он заглянет туда сегодня ночью.

Морицу пришлось силой тащить дрожащего Джона и просто-толкнуть его в дверь. У капитана было достаточно дела, и он охотно предоставил их самим себе. Обыскав каюту, Смайлер кивнул в сторону койки.

— Ложись, Джонни! Я погашу свет и буду стоять у выключателя. Я, кажется, догадываюсь, что такое этот дух; ему необходима человеческая приманка.

Джонни растянулся на койке, а Мориц уселся на стуле у выключателя. В одной руке он держал револьвер капитана, другой он погасил свет и каюта погрузилась во мрак.

Началось долгое, мучительное ожидание. Слышно было только тиканье хронометра. Джонни едва дышал от страха. Мориц напряженно смотрел в противоположный угол, туда, где находилась полка и куда стрелял капитан Хэнт при появлении духа. Ему казалось, что там что-то шевелится.

Кто-то или что-то находилось в каюте. Чувства Смайлера, напряженные до крайности, говорили ему об этом. К горлу подступала тошнота, и странный, безрассудный ужас. Он инстинктивно понял, что враг близко, враг почти рядом с ним.

Что-то странно шуршало и шелестело; казалось, по полу волочат какую-то огромную тяжесть. Мориц чувствовал, что его охватывает леденящее оцепенение. Он был не в силах шевельнуться. И тогда, при слабом свете, идущем

из дверной щели, он увидел, как что-то ужасное поднимается к Джону на койку и растворяется на черноте одеяла.

— Смирно, Джон! если ты дорожишь жизнью, не шевелись.

Мориц Гаунт повернул выключатель и стал медленно приближаться к койке. Джон лежал, как мертвый, но волосы его стояли дыбом. На его груди свернулось клубком что-то омерзительное. Очень медленно Мориц подвигался вперед, вытянув левую руку, а в правой сжимая револьвер. Малейшее неверное движение, — и Джона ждала верная смерть.

Враг на мгновение был парализован внезапно вспыхнувшим светом, и потому быстрая рука Смайлера успела безнаказанно схватить его за шею. У Смайлера была железная хватка.

Он сбросил на пол извивающуюся массу и поднял револьвер. Выстрел отделил от тела голову отвратительной черной кобры.

— «Черная Смерть!» — содрогнулся Мориц. — Вот чем оказался дух.

Он бросился к Джону. Джон лишился чувств и только капитану Хэнту, призванному с мостика, удалось привести его в чувство.

— Откуда она взялась, Мориц? — были его первые слова.

Смайлер весело рассмеялся, видя своего друга живым и невредимым, и взглянул на мертвую кобру.

— М-р Губер говорил, что несчастья на корабле на чались после возвращения из Индии. Очевидно, змея попала на борт вместе с грузом и из трюма переместилась в междудонные отделения под машиной.

— Он мертв! — Прохрипел Мориц.

Атмосфера там была как раз самая подходящая для нее. Вероятно, между переборками есть проход в эту каюту и время от времени она выползала в дыру под полкой.

Она не нападала на спящего, а только переползала через лицо и шею, как было и с вами, капитан. Если же человек просыпался и делал движение, кобра кусала. Так было с Иваном.

— Но чем же она питалась, чорт возьми? — спросил капитан.

— Крысами, капитан! Только крысами. Оттого-то их так и мало на корабле. Наша кобра уничтожила их.

Итак, благодаря Смайлеру и Джону, «Королева Океана» продолжает совершать рейсы. Капитан Хэнт командует ею и ночь за ночью спит в страшной каюте. Он знает, что теперь он уже в полной безопасности.

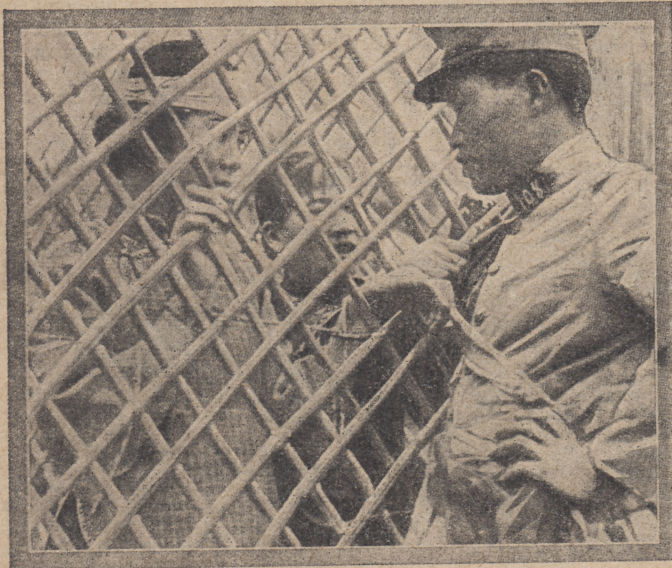
РАСПРАВА С „КРАСНЫМИ“ В КИТАЕ.

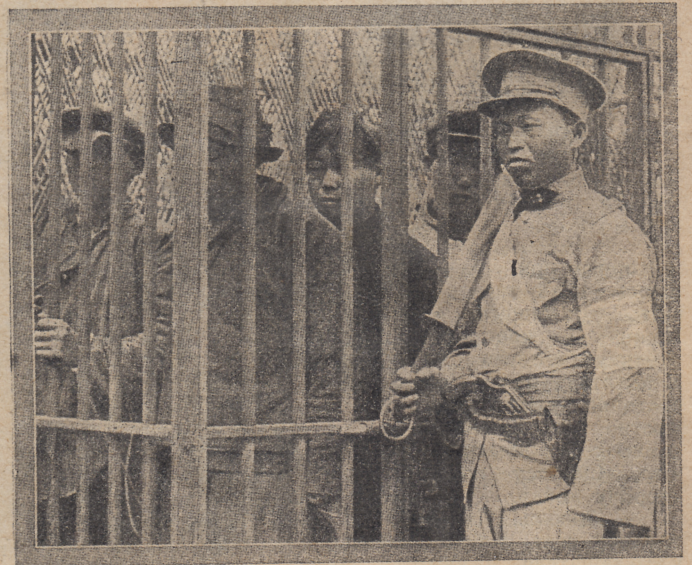
Политические „преступники“ под конвоем на одной из улиц Пекина.

Красные агитаторши и их вооруженная стража в Тянь Цзине

За крепкой решеткой в ожидании скорострельного суда.

Четверо осужденных к обезглавлению.

Заседание военно-полевого суда в Шанхае.

Последний допрос на суде.

ГОМИНДАН

Очерк А. ЛЕБЕДЕНКО.

И на Западе, и на Востоке, и в наши дни, и встарь, по свидетельству истории, мы видим, что миллионные массы крестьян и рабочих угнетались и эксплуатировались небольшим числом привилегированных. Когда сравниваешь число угнетенных с числом поработителей, кажется неразрешимой загадкой, почему эти замученные миллионы рабов, голодных и необеспеченных, которым нечего терять кроме цепей, не могут собраться с силой и одним могучим взмахом не сбросят с плеч вековое ярмо. Ведь на каждого богача, на каждого офицера, на каждого полицмена приходится сотни и тысячи серых людей, которые несут все тяготы жизни в угоду немногим.

Ответ на эту загадку не сложен. У меньшинства знания, техника, «командные высоты» и самое главное, основа всего — организация.

Рота обученных солдат сильнее многочисленной толпы. Ермак с семьюстами казаков завоевал огромную Сибирь, Кортес с полторатысячами авантюристов овладел Мексикой. Поднимавшиеся же против господ сотни тысяч германских крестьян (XVI век), миллионы китайцев шедших против чиновников и богдыхана, как и восставшие индусы, негры, арабы и бедняки всех стран, всегда и всюду были побеждаемы англичанами и прочими угнетателями всех наций и видов.

Понадобилось много времени, чтобы и угнетенные поняли ценность и необходимость организации, единственно способной привести к победе.

На Западе имеются сейчас во всех решительно странах коммунистические партии. Они ведут работу по организации рабочего класса перед схваткой с капиталистами, а на Востоке среди народов, живущих в колониях и полуколониях великих держав, существуют национально-революционные партии, ведущие народы Востока к освобождению от ига империализма.

К числу таких партий принадлежит и Гоминдан (по русски «государственная народная партия»: Го — государство, Мин — народ и Дан — партия). Эта партия — коллективный вождь китайских трудящихся — стоит в центре всех событий в Китае за последние 15 лет, и все успехи китайской революции тесно связаны с ее огромной и энергичной работой.

В Китае живет 450 миллионов человек, из них 400 миллионов крестьян и 5 миллионов рабочих. Большая половина всех этих людей живет в нищенских условиях. Китайский крестьянин беднее и бесправнее, чем были даже наши крестьяне в пору царского правительства. Земля в Китае плодородна, климат способствует росту хлеба, хлопка, чая и других растений, но население этой страны бедствует. Это происходит от того, что китайскому крестьянину не дают спокойно работать в свою пользу. Кулаки-помещики, захватившие в свои руки лучшую землю и сдающие ее в аренду за неимоверно высокую плату, чиновники-взяточники, генералы-милитаристы, захватившие власть над целыми провинциями и облагающие население высокими и незаконными налогами, главным образом, империалисты, владеющие в Китае и железными дорогами, и пароходствами, и банками, и фабриками, и заводами, таможнями и мн. др. Все эти паразиты сосут кровь китайца-труженика и держат его в состоянии нищеты, безвыходного голода и унижения.

В особенности ненавистны китайцам генералы-милитаристы и иностранные империалисты. Генералы держат в руках всю страну, обирая население, казнями и пытками держа его в страхе. Империалисты мало того, что также обирают страну — поддерживают генералов, которые за помощь при подавлении революции, готовы представить иностранцам право на организованный грабеж всего населения.

Гоминдан поставил себе целью бороться с генералами и империалистами. Вместе с тем эта революционная партия выдвинула ряд реформ, которые должны были резко улучшить положение крестьян и рабочих и вообще перестроить всю жизнь страны на началах демократии с участием в правлении всех классов населения.

Но резче всего Гоминдан ратовал за освобождение Китая от милитаристов и империалистов.

Этот лозунг, одинаково понятный почти всем китайцам, от бедняка-крестьянина до купца, ненавидящего ино-

странных капиталистов, сделал Гоминдан самой популярной партией в стране, несмотря на то, что в течение всех почти последних лет этой партии приходилось работать в исключительно тяжелых условиях: в подполье, под зорким оком полиции; приходилось сотнями и тысячами жертв расплачиваться за право борьбы.

Только в одной из южных провинций Гуан-Дун, вождю Гоминдана Сун-Ян-Сену, удалось образовать государство, управлявшееся партийным правительством; во всей остальной стране господствовала реакция и полицейский участок царил над городами и деревнями Китая.

Прошло несколько лет, и Кантонское гоминдановское правительство окрепло. Разумными реформами приобрело симпатии рабочих и крестьян, организовало небольшую, но стойкую воодушевленную армию и в момент, когда милитаристы на севере Китая уничтожали друг друга в борьбе за власть, выступили в так называемый Великий Северный поход. Это было в апреле 1926 г.

Никто не думал тогда, что военная экспедиция кантонцев в соседнюю провинцию Хунань, будет иметь такие решительные последствия. Но после первых же побед Кантона, выяснилось, что Китай созрел для революции, что население Севера и Юга ненавидят своих поработителей и готов всемерно поддержать победоносные дивизии южан. Вся страна заволновалась. По пути в кантонские ряды широкой струей вливались добровольцы, горячее юношество, жаждущее борьбы и победы, а в тылах и армиях противников Кантона, началось неизбежное разложение, в результате которого агитация и бунты разлагали боевые части северных милитаристов.

Кантонцы, разбивая одного за другим сильнейших генералов-милитаристов, шли победным маршем через ряд провинций и в течение года подчинили себе почти весь южный и срединный Китай, вместе с крупнейшими промышленными центрами, как Чжан-Ша, Ханькоу, Нанкин и Шанхай.

Казалось, не пройдет и нескольких месяцев, как весь Китай окажется во власти революции и милитаристы будут сброшены в море.

В это время внутри партии обострились раздоры, и Гоминдан раскололся. Пока речь шла о борьбе с генералами и империалистами, все входившие в Гоминдан классы действовали сообща. Но революция, освобождая провинцию за провинцией, пробуждало крестьянство, организовала рабочий класс и ремесленников-кустарей и эти классы населения, идя в Гоминдан и в ряды Кантонских армий, ставили своей задачей, не останавливаясь на победах над империалистами, повести борьбу и против собственной буржуазии, создать в Китае, по примеру Советской России, рабоче-крестьянскую власть.

За последние годы выросли и окрепли в Китае компартия и комсомол и они повели рядом с Гоминданом работу по сплочению рабочего класса и беднейшего крестьянства вокруг ленинского учения.

Буржуазия Китая испугалась этого быстрого роста коммунистических идей и роста рабочего самосознания; и буржуазная или правая часть Гоминдана откололась от левого Гоминдана. Вместе с партией раскололась и армия.

Вождь правых, Чан-Кай-Ши, ознаменовал свой разрыв с Гоминданом массовыми расстрелами и казнями рабочих революционеров по всему юго-востоку Китая. Изменники не рисковали честно отказаться от учения великого Суня. Они оставили за собою имя гоминдановцев, флаг и лозунги, но все их действия свидетельствуют ясно, что с революцией они порвали навсегда.

Трудно описать радость империалистов после измены Чан-Кай-Ши. Ухану — столице революции — пророчили быструю гибель. Армии национального правительства предсказывали неминуемый разгром.

Но уханцы ответили на это наступлением на Север и, при поддержке народных армий, двинулись на Пекин. Вместо разгрома уханцев, последовал разгром У-Пей-Фу и самого Чжан-Цзо-Лина, а на ряду с этим по всему южному и срединному Китаю началось массовое крестьянское движение, занявшее огнем аграрной революции ряд богатейших и населеннейших провинций Китая. Левый Гоминдан и компартия становятся во главе новой великой крестьянской революции, открывая этим новую главу в истории Китая.

СМЕРТОНОСНЫЙ ЛЕС

Рассказ С. ВЕНТУРА

И капитан и я были немало огорчены тем обстоятельством, что наша партия в покер оказалась прерванной в то время, когда мы находились в двух днях от ближайшего порта, да и пиво, утолявшее нашу жажду в эту тропическую жару, было так приятно на вкус... Карты и пиво сплошь и рядом скрашивают самое мрачное одиночество; однако, помощник капитана, подошедший к нашему игальному столику, настойчиво повторил свои извинения, приложив руку к козырьку:

— Прошу извинить меня, сэр. Я крайне огорчен, что беспокою вас, сэр, и т. д.

Внизу, у самого трюма, в грязной клетушке, распространявшей запах дегтя и трески, боролся со смертью матрос, испанец, и, не переставая стонать, требовал, чтобы ему отыскивали среди пассажиров какого-нибудь переводчика. Вот почему помощник капитана, совсем еще молодой офицер, взял на себя смелость подняться в капитанскую рубку, в которой мы играли в покер. Я последовал за ними, в испорченном настроении духа, по крошечным винтовым лесенкам, зловонным и грязным, пересекая какие-то темные коридоры, в которых мы наткнулись на англичан, окатывавших из ведер друг друга холодной водой, или же на обнаженных негров, отплясывавших какой-то танец дикарей.

— Здесь! — проговорил молодой офицер, когда мы проходили мимо каюты, у входа в которую двое матросов играли в кости.

Это была маленькая темная конурка, от которой шел специфический запах нижних помещений больших пароходов, и от него кружилась голова: что-то в роде смеси нефти, смолы и трубного,пряного табака. И вот в этой клетке, куда свет едва проникал через маленький иллюминатор, на койке, подвешенной к потолку, лежал больной. Когда я поздоровался с ним на его родном испанском языке, он с трудом приподнял над подушкой свое желтоватое лицо, а две влажные, сильно дрожавшие руки потянулись к моей.

— Сеньор! — жалобно пролепетал больной.

А когда он узнал, что я тоже перуанец, то радости его не было границ. Дело в том, что он уже в течение двух недель был обречен на молчание, не зная другого языка кроме испанского, и теперь, прежде чем навеки закрыть глаза, ему во что бы то ни стало хотелось поведать кому-нибудь о своей горемычной жизни. Он сразу схватил меня за рукав, точно боясь, что я могу уйти, и я здесь стараюсь, как ни трудно это мне, передать весь его захватывающий монолог, сохранив его колоритность:

— Да, сеньор, я родом из Кальяно... Сеньор, умоляю вас, не уходите... Простите меня; скоро меня уже не станет и мне не придется вам больше докучать; но прежде всего обещайте мне, как только вы вступите на родную землю, передать моей матери вот это кольцо, портрет мальчика и этот сверток. Сознаю, что доставляю вам много хлопот, но вы уж простите меня... Спасибо, спасибо!... Почему я поехал в Икитос? Да, очень просто, чтобы набить денег... как и все прочие. Но вы, сеньор, прошу вас, не ездите туда никогда!... Вы никогда не бывали в девственном лесу? Ах, вот как? Следовательно вы уже имеете представление что это за ад? Не успеете вы в нем очутиться, как вы сходите с ума и с пеной у рта умоляете своих спутников дать вам возможность вернуться обратно. Ну, хоть бы уснуть там была какая-нибудь возможность! Но нет, сеньор, это только мечта: все вокруг вас — поймите, все — кричит, поет и рыдает! И самое ужасное не хищные звери и не гремучие змеи, приводящие в трепет даже самих индейцев, когда они высоко поднимают свою голову и, покачиваясь на туловище ростом выше человеческого, мерно ударяют ею о стволы каучуковых деревьев. О, ничуть не бывало! Больше всего нервируют вас обезьяны и всевозможных цветов попугаи, глядящие на вас сверху и издаваемые над вами. Ваша барабанная перепонка с трудом выдерживает смех попугаев, а стрелять в них из ружья совершенно бесполезно. Сколько раз я брался за ружье среди ночи, чтобы выпустить в них несколько патронов, но, право, нехорошо глядеть на лес, когда он залит серебристым светом луны. Что творится ночью в его глухих углах, никому не дано знать. Но какой пьянящий аромат! Верьте, сеньор, этого аромата никогда не забыть. О, если бы только я мог туда заглянуть еще один разок, чтобы в последний раз выпить из им... Однажды,

рано утром, мы приготовились было идти собирать каучуковый сок, но нас окликнул дон-Кристобаль, бразилец, чтобы предупредить нас, что «идут муравьи». А эти самые муравьи, длинной и толщиной с большой палец, двигались сплошной черной лавиной со стороны опушки леса. Наступать с ними в борьбу нет никакой возможности и приходится уступать им дорогу. Убить их можно несколько сот штук, ну, а что вы, сеньор, стали бы делать, когда они двинутся на вас многомиллионной армией? У нас их называют «полицией», так как они уничтожают крыс и змей. Обычно они всей своей массой облепляют одну-две хижины, проникают в нее сквозь щели и поселяются в ней до тех пор, пока не сожрут всего до-чиста, а потом двигаются дальше на поиски новой «жертвы». Люди, занятые добыванием каучука, очень искусно ловят их, за жаривают и потом съедают. Вряд ли вы поверите мне, сеньор, но смею уверить вас, что из них получается превосходное блюдо...

На этот раз, прежде чем унести ноги, одна из перепуганных надвигавшейся муравьиной лавиной змей укусила в руку нашего хозяина дон Кристобалья. Какой это был ужас! Мы высыпали из двух патронов весь находившийся в них порох, чтобы посыпать им его рану. Затем мы поднесли к толстому слою пороха горящую спичку и взорвали таким образом у него с руки большой кусок мяса. Только этим нам удалось спасти его от неминуемой гибели! Не буду, сеньор, утруждать ваше внимание описанием этого похода, когда мы несли его на носилках из переплетенных ветвей, покрытых нашими пончо!..¹⁾ Когда мы проходили под кедрами, обезьяны забрасывали нас сухими ветвями, а попугаи точно возвращались к нашему приближению всему лесу. Когда целые стаи их пролетали над нами, мы не могли смотреть на них, так же как и на солнце: яркость их разноцветного оперения ослепляла нас. Бывало и так: вокруг нас, в сумраке девственного леса — ни души, и вдруг откуда-то тучами сыпались стрелы. Можно было подумать, что они падали с неба, что, однако, не мешало им пронзить сверху до низу какого-нибудь беднягу из нас. Каучеро²⁾ кричал нам по португальски, чтобы мы спасались, но куда деваться, сеньор, когда отовсюду слышался шум... или могильная тишина, еще худшая, чем какой-бы то ни было грохот, потому что в такой момент, дрожа от страха, не знаешь, что тебя ожидает: страшный, душу раздирающий крик, отравленная стрела или бог весть что еще.

Один из наших товарищей, который был болен бери-бери (эта болезнь напоминает, сеньор, перемежающуюся лихорадку, от которой вас всего трясет, и люди мрут от нее, как мухи), этот самый рабочий, говорю я, стал орать во всю глотку и мы не успели оглянуться, как он бросился в озеро. Хозяин вынужден был пригрозить остальным револьвером, чтобы удержать их от примера товарища: ведь озеро кишело кайманами. У нас не оставалось больше ни крупинки хинина...

Но я вам, вероятно, надоел, сеньор, своей болтовней, да и мне самому трудно становится дышать... Как бы там ни было, я все-таки долго прожил в этом крошечном аду и, сознаюсь, почти свыкся с ним. Так уже создан человек, сеньор. Несколько лет тому назад мне пришлось жить в лагере племени Камиа; тут я должен вам сказать, что я избрал себе в подругу прехорошенькую индейку, которая мне преподнесла вот этого малыша — индейца. Посмотрите, сеньор, на портрет; не правда ли, карапуз вылитый отец? В этот день жена была одна; но каждый день она помогала мне надрезать кору каучуковых деревьев, а по вечерам мы обходили их и собирали глиняные горшки, куда за день стекала резина...

Слышали ли вы когда-нибудь, сеньор, о стрекозе «мачакун»? А это ведь бабочка-гадюка. Да, да, как вам это понравится? Прелестное создание божье, порхающий цветочек. И вот, если она, летая в сумерки, на кого-либо наткнется, она неминуемо вонзает в него свое ядовитое жало. Летит она только по вечерам, так как, заметьте, она наполовину слепа. Как только повеет вечерний ветерок, она, словно летучая мышь, выплзает из своего гнездышка. Ну, а если уж она завидит где-нибудь огонек, то, конечно, летит прямо на него.

В этот вечер жена, делая свой обычный обход горшков с резиной вместе с мальчиком, взяла с собой зажженный фонарь. Не успела она пройти нескольких шагов, как

¹⁾ Плащ.

²⁾ Владелец каучуковых плантаций.

Рассказ В. АРИСТОВА.

— Я боюсь мышей, а змей не могу равнодушно видеть даже на рисунках в учебниках географии, — сказал мне молодой инженер, — и вот почему.

Наша партия производила в то время мелиоративные изыскания в Дагестанских плавнях. С одной стороны плавни, с другой, — бесконечная солончаковая степь, вот что окружало нас в течение многих месяцев.

Вечером, когда мы все четверо сидели у костра, руками и ногами отбиваясь от наседавших на нас тучами комаров, начальник партии поправил на носу очки и сказал:

— Кому-то из нас придется ехать в город, нам необходимо добыть еще один теодолит.

Взгляд, брошенный поверх очков в мою сторону, ясно говорил, что именно меня, а не кого-нибудь другого из нас троих, старик избрал своей жертвой. Я принял независимый вид, точно незамечая устремленного на меня пристального взгляда профессора, и как ни в чем не бывало продолжал подбрасывать в костер маленькие охапки сухого камыша.

— Кто же поедет, — как бы про себя сказал профессор, все еще не спуская с меня глаз.

Перспектива сто пятьдесят верст трястись в жестком седле мне вовсе не улыбалась и я голосом жертвы, которой безразлично все в этом мире, сказал:

— Ехать, так ехать!

— Вот и отлично, — обрадовался профессор, — понастоящему очередь Берга, но у него мозоли на ногах, так что и на этот раз придется ехать вам.

Я мысленно выругал Берга и его мозоли, хотел напомнить о своих собственных мозолях, но вместо того покорно вздохнул и сказал:

— Ну что ж, поеду.

— Лошадь возьмите у Баты и выезжайте пораньше, и в городе не задерживайтесь, — напутствовал меня профессор.

Кумык Бата жил в камышовом шалаше и промышлял неизвестно чем. Тощая кляча и полдюжины овец составляли все имущество кумыка. Целыми днями Бата сидел у входа в шалаш, созерцая бесконечную равнину с пожелтевшей травой и своих шестерых овец. На следующее утро, едва только багровый край солнца выглянул из-за плавней, я уже сидел в твердом, как камень, седле, безжалостно погоняя свою клячу. Надо было выбрать самый кратчайший путь. Я свернул в сторону от колеи, оставленной чьей-то арбой, и поехал по едва заметной тропинке, капризно извивавшейся в лабиринте маленьких солончаковых болотц.

Около двух часов ехал я по солончакам, следуя совету Баты, — брать все время возможно больше вправо.

Солончаки кончились. Унылая равнина тянулась передо мной во все стороны.

Через час я увидел колодец, о котором говорил мне Бата. Пастух-кумык в круглой войлочной шляпе поил своих овец и молча кивнул мне головой, когда я подъехал к колодцу. Кумык плохо понимал по-русски и на все мои вопросы отвечал односложно:

— Нэ знаэм.

Когда я, напоив клячу, отъехал от колодца, кумык крикнул что-то на своем языке и сделал знак остановиться. Пастух жестами старался пояснить мне свою мысль, я понял, что кумык советует мне вернуться обратно.

— Миша... минога, гада... минога, — тараторил кумык, — это было все, что я понял из прерывистой гортанной речи пастуха.

Отъехав верст пять от колодца, я понемногу начал догадываться, о чем мне говорил кумык. В степи появилось много мышей, об этом сообщала газета, которую я читал недели две назад. Какой-то зоолог в длиннейшей статье предсказывал колоссальные бедствия, если власти не примут серьезных мер к борьбе с мышами. С точностью до одной сотой грамма, ученый подсчитывал, какое количество кукурузы, пшеницы и травы съедает одна мышь, а потом какое количество этих же продуктов съест вся мышиная армия. Цифры получались умопомрачительные, с большим количеством нулей. Я никогда не подозревал у этих маленьких животных такого огромного аппетита.

— Но почему кумык упоминал мне о каких-то гадах, — размышлял я, в то время, как моя кляча, еле передвигая ногами, плелась по степи.

Скоро я заметил, что чахлая трава делается все реже, и, наконец, я увидел перед собою громадное просторство степи, где вся растительность была выжжена или повыдернута с корнем. Разгадка была налицо.

Вся степь, куда только ступал мой конь, пестрела множеством отверстий сантиметра три в диаметре. Даже неопытный глаз горожанина мог угадать в этих отверстиях норы полевых мышей. Но куда могли деться обитатели этих бесчисленных нор? В течение часа я увидел не более пары маленьких юрких зверьков, поспешно скрывшихся в нору при моем приближении.

Солнце косыми лучами освещало равнину, и моя кляча еле передвигала ногами, когда я увидел впереди соломенный шалаш какого-то хутора. Я подъехал ближе, и первое, что бросилось мне в глаза, было кукурузное поле, начисто съеденное мышами. Короткие обгрызенные стебли кукурузы торчали из земли. Я положительно начинал верить ученому зоологу, определившему убытки земледельцев от мышей солидной

цифрой со множеством нулей. Нигде не было видно ни души.

— Что за чорт, — подумал я, — куда же исчезли хозяева хутора, уж не сожрали ли и их мыши вместе с кукурузой.

Делать было нечего, эту ночь я должен был провести в заброшенном шалаше. Но едва только я дотронулся до одной из жердей шалаша, как произошло нечто невероятное. Подобные превращения можно увидеть только в кинематографе. Шалаш рассыпался, растаял от моего прикосновения. Облако мелкой соломенной пыли обдало меня с головы до ног. Сотни две мышей с писком разбежались в разные стороны. Наконец, я протер глаза и увидел перед собою вместо шалаша голые жерди и груды источенной мышами соломенной трухи.

Я расседлал лошадь и отпустил ее на все четыре стороны, предоставив ей самой добывать себе корм в этой опустошенной грызунами местности. Несчастная кляча так устала за этот день скитаний по кочковатым солончакам, что не обнаруживала никакого желания двигаться с места и стояла уныло повесив голову.

Сумерки наступали быстро. Я лег на землю, положив под голову седло, и принялся наблюдать, как в далеком темном небе одна за другой вспыхивали звезды.

Сначала шорох, а потом журчанье точно от падающей по камням воды долетели до меня. — Что за чертовщина, — подумал я, стараясь угадать причину этого шума. Лошадь подняла голову и тревожно заржала. Инстинктивно я нащупал в кармане заряженный браунинг, вынул и положил его рядом с собою. Большая ночная птица пролетела низко, над самой моей головой. За ней другая, третья. Целая эскадрилья ночных летунов пронеслась надо мной, бесшумно махая широкими крыльями. Отчаянный писк донесся с той стороны, куда скрылись птицы. Пернатые хищники охотились за мышами, это было для меня ясно. Шум удалялся, делаясь все слабее и слабее. Лошадь успокоилась и пощипывала что-то на голой земле.

Солнце еще не всходило, когда я покидал место своего ночлега. Опять, как вчера, тянулась кругом унылая голая степь. Земля точно решето была продырявлена бесчисленными норами. Прожорливые грызуны источили всю степь своими ходами, так же, как и соломенный шалаш, рассыпавшийся вчера на моих глазах. Лошадь уже несколько раз проваливалась в мышиные ходы, едва не поломав себе ноги. Я остановился, осматриваясь, как бы удобнее пробраться среди бесчисленных нор без риска искалечить свою клячу, и замер от удивления.

Степь двигалась!

Да, двигалась, по крайней мере в той стороне, куда я смотрел. Нет! Это был обман зрения, двигалась не степь, а живое мышиное царство, населявшее ее.

Мыши шли сплошной лавиной, прямо мне наперез, оглашая воздух невероятным писком. Грызуны уходили из опустошенных ими мест, вот почему вчера я почти не видел мышей. Теперь была понятна причина ночного шума, его производила армия мышей, двигаясь мимо места моего ночлега. Целая туча кобчиков и других крылатых хищников сопровождала грызунов, усердно разрезая их ряды.

Моя лошадь испуганно заржала, когда этот живой поток докатился до ее ног: Меня разбирало любопытство, я хотел обязательно узнать, где начало и конец этой грандиозной мышиной армии. Несколько зверьков уцепились за ноги лошади, я сбил их на землю ударами ременного хлыста. Первая колонна мышей кончилась.

Я тронул лошадь, намереваясь обойти надвигающуюся новую колонну грызунов. Но то, что я увидел в последнюю минуту, заставило меня вздрогнуть. Это были змеи, серебристые змеи различных размеров, от полуаршинных до отвратительных двухаршинных гадов толщиною в руку взрослого человека. Впрочем, может быть мне это так показалось от страха. Я никогда не ожидал от гадов такого проворства. Змей охотились за мышами. Они преследовали отставших, немилосердно их уничтожая. Я увидел множество змей, раздувшихся от проглоченной обильной пищи, спокойно предававшихся пищеварению, тут же на месте пира.

Моя лошадь неосторожно наступила на одного из таких отдыхавших гадов. Змея зашипела и с невероятной быстротой, точно стальная пружина, подпрыгнула, почти коснувшись раздвоенным языком шеи лошади. Лошадь моя задрожала всем телом, сначала осела на задние ноги, потом сделала такой гигантский скачок вперед, какого никогда нельзя было ожидать от заморенной клячи.

Я не удержался и как мешок вывалился из седла, тяжело ударившись об землю. Первое, что я почувствовал, это ощущение страшной боли в ноге, и сознание беспомощности при виде моей клячи, лихо несущейся по равнине. Я поднялся, но тотчас же боль в колене заставила меня опуститься на землю.

Я лежал, окруженный целой армией змей, боясь пошевелиться, чтобы не привлечь к себе их внимания. Впрочем змеи, насытившиеся обильной пищей, не обнаруживали никаких признаков враждебности, иные из них лежали неподвижно, свернувшись в толстые серебристые спирали, другие лениво переползали с места на место.

Я стал на четвереньки и пополз, волоча вывихнутую ногу. В этой проклятой степи нельзя было найти даже палки, чтобы опереться. Мне приходилось все время лавировать между отдыхавшими гадами. Наконец, я добрался до невысокого курганчика и огляделся: змей нигде не было видно. Солнце раскаленными лучами жгло землю. С курганчика на добрый десяток верст кругом видна была голая пустынная степь. Я принялся всматриваться вдаль, все еще надеясь увидеть где-нибудь свою лошадь. Напрасно! Проклятая кляча, едва волочившая ноги, теперь исчезла с такой быстротой, точно провалилась сквозь землю. Я осматрел свою ногу. Она распухла буквально у меня на глазах.

Итти я не мог, приходилось ждать, пока кто-нибудь не наткнется на меня. Но кто мог найти меня в этой пустынной степи, где после мышиного нашествия нечего делать даже пастухам?

Зной заставил меня спуститься с кургана. Но тщетно старался я найти хотя бы некоторое подобие тени. У подножия кургана было так же жарко, как и на вершине. Не знаю, сколько времени я пролежал здесь. Вечерняя прохлада привела меня в чувство. Мне хотелось двигаться, двигаться каким угодно способом, только бы поскорее уйти от этого ужасного места. И я пополз, по временам ранив свои руки колючками и чувствуя свинцовую тяжесть в больной ноге. Я полз целую ночь, не отдавая себе отчета, куда и зачем. По временам мне приходилось останавливаться для того, чтобы передохнуть и собраться с силами.

Когда взошло солнце, я опять увидел ту же пустынную степь, продырявленную бесчисленными мышиными норами. Одежда моя после ночного странствования превратилась в лохмотья, а руки покрылись многочисленными ссадинами. Вывихнутая нога распухла до невероятных размеров и приняла зловещий темно-синий цвет. Я полз до самого полудня, пока окончательно выбился из сил.

Отчаянная жажда мучила меня. Фляга моя была совершенно пуста. Последний глоток воды я выпил вчера вечером. Я лежал на земле лицом вниз, накрыв голову носовым платком. И опять неясный шум, как и в ту ночь, долетел до меня. Я с трудом поднял отяжелевшую голову. Двигалась новая армия мышей.

Они нахлынули, пискливые зверьки с отвратительным запахом, и подобно волнам залили своими телами то место, где я лежал. Тщетно пытался я отмахиваться от них рукой, они все шли, не обращая на меня никакого внимания. Некоторые из них случайно попадали в руку и поднимали там возню.

— Хорошо, если одни мыши, ну, а как змеи, — подумал я.

Опасения мои оправдались. В сером потоке грызу-

нов замелькали раздвоенные языки гадов. Опять лакомая добыча привлекла змей. Я начинал терять сознание. Голова казалась мне таким же расплавленным огненным шаром, как и солнце, стоявшее надо мною.

В последний раз мелькнула перед глазами серая шкурка маленького зверька и серебряная чешуя змеи. Что было дальше — я не помню.

Меня нашли случайно пастухи-кумыки, гнавшие в Кизляр своих овец. Я две недели пролежал в больнице, подлечивая вывихнутую ногу. Моим рассказам никто не верил, все объяснили моим болезненным состоянием и вредным влиянием жгучих лучей дагестанского солнца.

Но с тех пор я смертельно боюсь мышей, а змей не могу видеть даже на рисунках в учебниках зоологии.

Чем ближе к человеку та или иная еда, тем легче она переваривается; чем дальше от него, тем труднее.

Печен. яблоко 1 1/4 ч.

Сырое яйцо 1 1/2 ч.

Вареная рыба 1 1/2 ч.

Кипяченое молоко 2 ч.

Индейка 2 1/2 ч.

Жареная картошка 2 1/2 ч.

Жареная утка 3 ч.

Жареное мясо 3 ч.

Устрицы 3 ч.

Свежий хлеб 3 1/4 ч.

Сыр 3 1/2 ч.

Жареная курица 4 часа.

Кислая капуста 4 1/2 часа.

Телятина 5 ч.

Жирная свинина 5 1/2 ч.

КАК ПЕРЕВАРИВАЕТСЯ ПИЩА

Во сколько времени сполна перевариваются в нашем организме различные виды пищи — таков один из главных вопросов нашего питания. Рисунок в заголовке статьи наглядно показывает разницу в усвоении нашим желудком различных блюд. Чем дальше отстоят от человека находящиеся перед ним кушанья, тем большего времени требуют они для своего полного усвоения.

По существу, усвояемость пищи, т.-е. легкость ее переваривания, зависит от той формы, в которой пища принимается. Большинство наших кушаний попадает к нам в желудок лишь после долгих приготовлений, среди которых варка пищи занимает первое место. «Человек — единственное животное, которое варит свою пищу».

Хорошо переваривается еда и в зависимости от тонкости ее приготовления. Грубая пища много хуже усваивается организмом.

Вот почему тяжело больным дают всегда жидкую пищу. Но есть и побочные причины, влияющие на усвоение пищи, напр., приправа или количество поглощенной пищи. Нельзя довольствоваться одной концентрированной пищей, которая давала бы только нужное для поддержки нашего организма количество калорий. Желудок и кишки должны иметь для себя работу на более продолжительное время, чтобы у нас появилось чувство голода. Время еды и температура пищи точно также влияют на ее переваривание. Кто продолжает есть даже сытым, тот переобременяет желудок, который в этом случае не может использовать всей принятой пищи. Общеизвестно, что горячая еда переваривается значительно скорее холодной. Наконец, усвояемость пищи зависит и от ее разнообразия. Если животному давать каждый

день одну и ту же пищу, то она скоро ему приедается. Животное теряет аппетит и голодает при обильной, но все одной и той же пище. То же самое происходит и с человеком. Заставьте любого каждый день есть жареного гуся. Под конец этот гусь ему осточертеет.

Рисунок показывает нам среднее время, которое требуется для усвоения различных кушаний. Мы видим, напр., что сырые яйца, вареная рыба (за исключением некоторых ее видов) и печеные яблоки перевариваются в нашем желудке быстрее остальных кушаний. Они требуют для своего полного усвоения от 1 1/4 до 1 1/2 часа. Кипяченое молоко переваривается в 2 часа, тогда как жареная индюшка и жареная картошка требуют для себя около 2 1/2 часов. Жареное мясо, устрицы и жареная утка требуют для себя приблизительно одинакового времени, 3 часа. Для свежей булки и сыра процесс длится до 3 1/4—3 1/2 час. Еще тяжелее переваривается жареная курица — 4 часа, кислая капуста — 4 1/2 ч., телячье жаркое — 5 ч. и жареная же свинина 5 1/2 ч.

Многие думают, что пищеварением целиком ведает один только желудок. Этого ошибочного взгляда придерживалась не так давно и наука, но теперь твердо установлено, что самая главная работа по перевариванию еды падает на кишки. Именно через стенки кишечника проходят в кровь питательные вещества, которые и доставляются затем кровью отдельным органам. Все же, что не могло быть усвоено, скопится в прямой кишке. А задача самого желудка заключается в том, чтобы принять в себя всю поступающую пищу и после легкой ее переработки доставлять маленькими дозами кишкам, чтобы они могли совершенно спокойно выполнять свою работу.

ГАЗОВАЯ ВОЙНА И БУДУЩИЕ ГОРОДА

В ноябре 1925 г. поднялся один французский бомбмет на высоту 3.480 м. с чистым грузом (грузом бомб) в 6.000 кг, не включая сюда веса снаряжения, экипажа и горючего в 1.300 кг.

Военные бомбометы новейшей конструкции могут переносить груз бомб, весом в 100 кг, на расстояние 300—400 километров.

Это значит, что эскадрилья бомбометов, состоящая круглым счетом из 100 единиц, в состоянии при одном полете перевезти и сбросить на заранее определенное место груз бомб в 100.000 кг.

Одна бомба-мина в 100 и 200 кг может разрушить целый многоэтажный дом. Бомба-мина в 500—1.000 кг разрушает целый квартал даже тогда, если разорвется по близости от квартала, а не в нем самом.

Эти цифры, подходящие (с тем или другим уклоном вверх и вниз) к британской и американской воздушной силе, послужат основанием для наших дальнейших выводов.

Около четырехсот лет прошло со времени открытия пороха и постройка городов перестала уже соотнобразиваться с военными соображениями. Усовершенствование военной техники и появление дальноточных орудий перестало влиять на распланировку города, сжимавшегося раньше кольцом укреплений. Стены, валы и башни были скрыты, города разраслись за их пределы. Свободно подчиняясь только экономическим законам, развертывалась постройка городов и постепенно принимала тот вид, который господствует ныне в любой стране.

Неумолимая рука экономики скучивает в города большие людские массы, создает бедные светом и воздухом кварталы и заставляет людей строить дома все с большим количеством этажей.

Ныне этому развитию воздушные нападения выносят смертный приговор. Постройка городов вновь попадает под его войны.

Прошло 12 лет со времени первого появления на фронте новых средств войны: самолета и ядовитого газа. Уже на втором и третьем году войны их боялись жители Парижа и Лондона. Полные страха спасались они от разражавшейся среди ясного неба и звездной ночи грозы. Прятались в подвалы в наскоро сделанные убежища.

Тогда, десять лет тому назад, а теперь? Все это забыто ли теперь?

Почти что так.

Ведь еще строятся высокие, многоэтажные, похожие на башни дома, а люди продолжают жить все теми же массами.

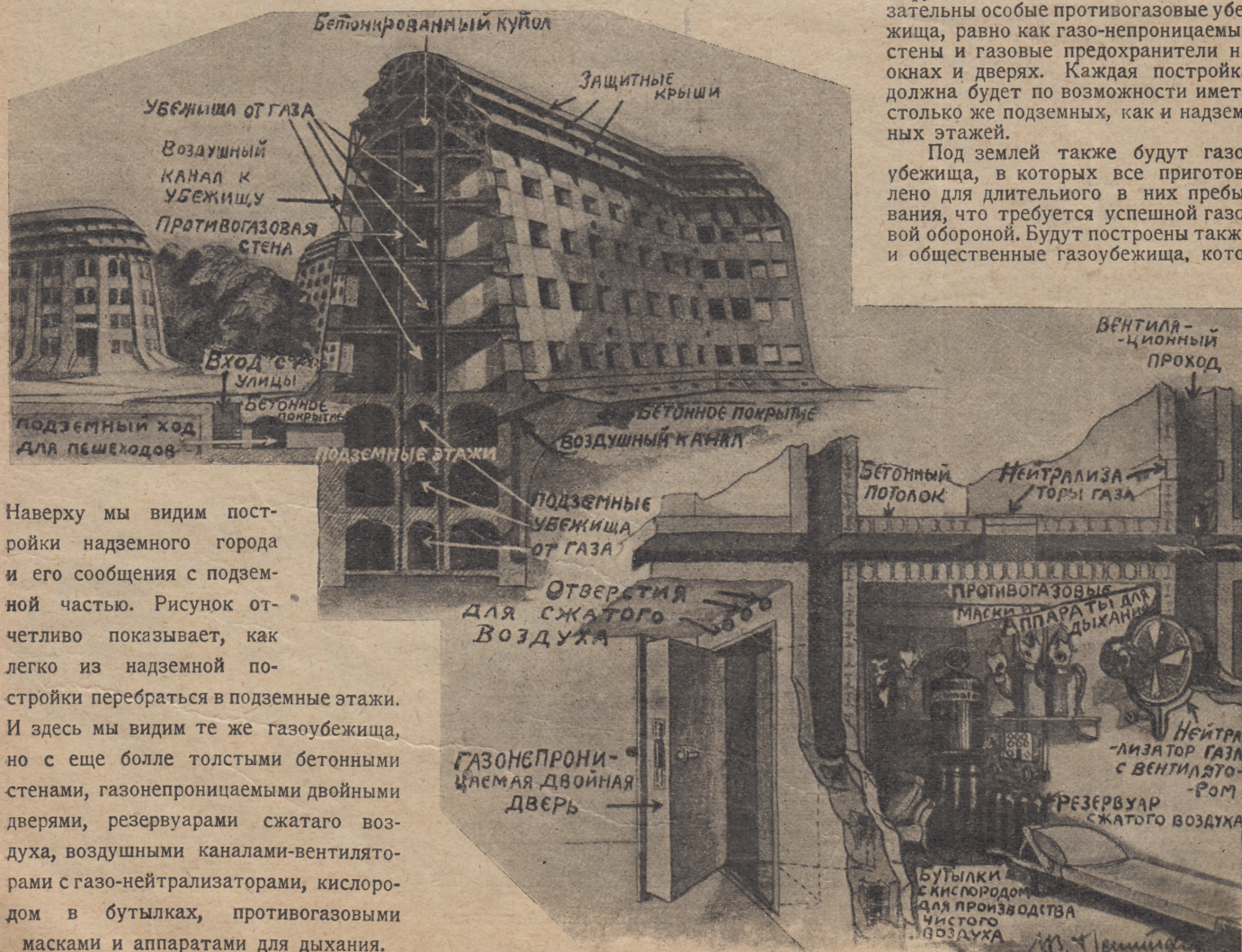
И все таки мы накануне полного переворота в технике постройки домов, перед новой распланировкой города к которой мы немедленно должны приступить, так как каждое опоздание будет стоить позднее невыразимых человеческих и материальных жертв.

Высокие и башнеобразные дома должны быть запрещены, так как степень разрушения города воздушной бомбардировкой пропорциональна густоте и высоте построек.

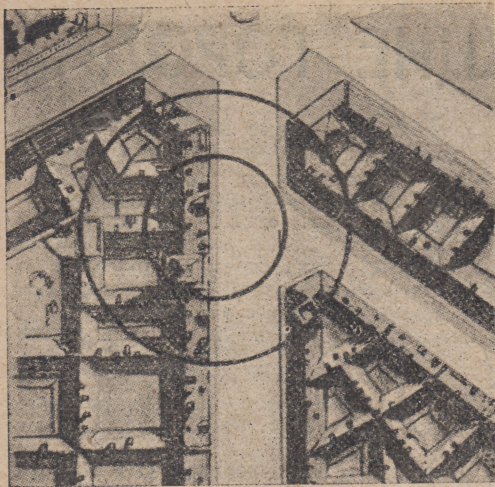
Нью-Йорк называется колоссом на глиняных ногах и это очень подходящее сравнение. Нью-Йорк при воздушной бомбардировке будет сплошной людской ловушкой, а каждый небоскреб, башня и высокий дом явятся мелкой западней. Высота постройки не должна превышать трех этажей, а надстраивать уже существующие трехэтажные дома должно быть запрещено.

С применением новейших строительно-технических методов в конструкции новых зданий, должна быть достигнута наибольшая крепость потолков, балок, стен и фундаментов. В каждом доме обязательны особые противогазовые убежища, равно как газо-непроницаемые стены и газовые предохранители на окнах и дверях. Каждая постройка должна будет по возможности иметь столько же подземных, как и надземных этажей.

Под землей также будут газоприбежища, в которых все приготовлено для длительного в них пребывания, что требуется успешной газовой обороной. Будут построены также и общественные газоприбежища, кото-

Наверху мы видим постройку надземного города и его сообщения с подземной частью. Рисунок отчетливо показывает, как легко из надземной постройки перебраться в подземные этажи. И здесь мы видим те же газоприбежища, но с еще более толстыми бетонными стенами, газонепроницаемыми двойными дверями, резервуарами сжатого воздуха, воздушными каналами-вентиляторами с газо-нейтрализаторами, кислородом в бутылках, противогазовыми масками и аппаратами для дыхания.

Действие бомбы-мины в 1000 кг. на участок города, построенного по американскому образцу (скупенные постройки, многоэтажные дома).

к фундаменту и здесь сливаются (как видно на рис. 1) с тем железобетонным прикрытием, которое защищает подземные помещения. Несколько защитных крыш предохраняют от мелких бомб.

Постройки, как показывает рисунок 1, будут очень узкие, а кроме того они окрасятся в маскирующие цвета, чтобы быть меньше заметными сверху.

рые в мирное время смогут служить общественными помещениями, складами и т. д. Всякий план постройки обязательно должен утверждаться особой военной комиссией.

* * *

Новый тип построек будет в разрезе приблизительно выглядеть так, как показано на рис. 1.

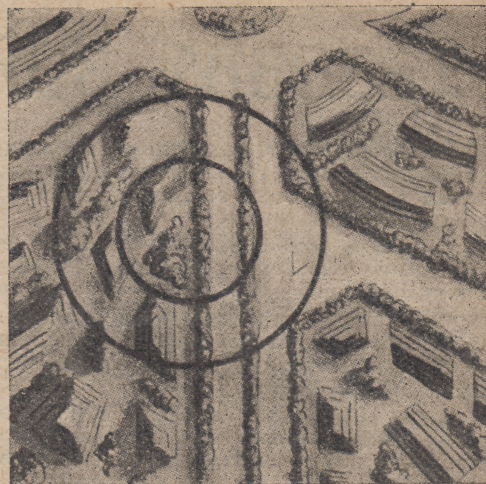
Крепкие железобетонные стены все больше утолщаются

Правильные формы зданий, возможности будут избегать. Большие технические трудности представляют подземные помещения, чтобы сделать их непроницаемыми для газа. Как мы знаем из опыта минувшей войны, тяжелые, устойчивые газы (а такие, наверное, в будущем станут более употребительными) текут в более низкие места, словно вода, а потому и держатся до льше всего в

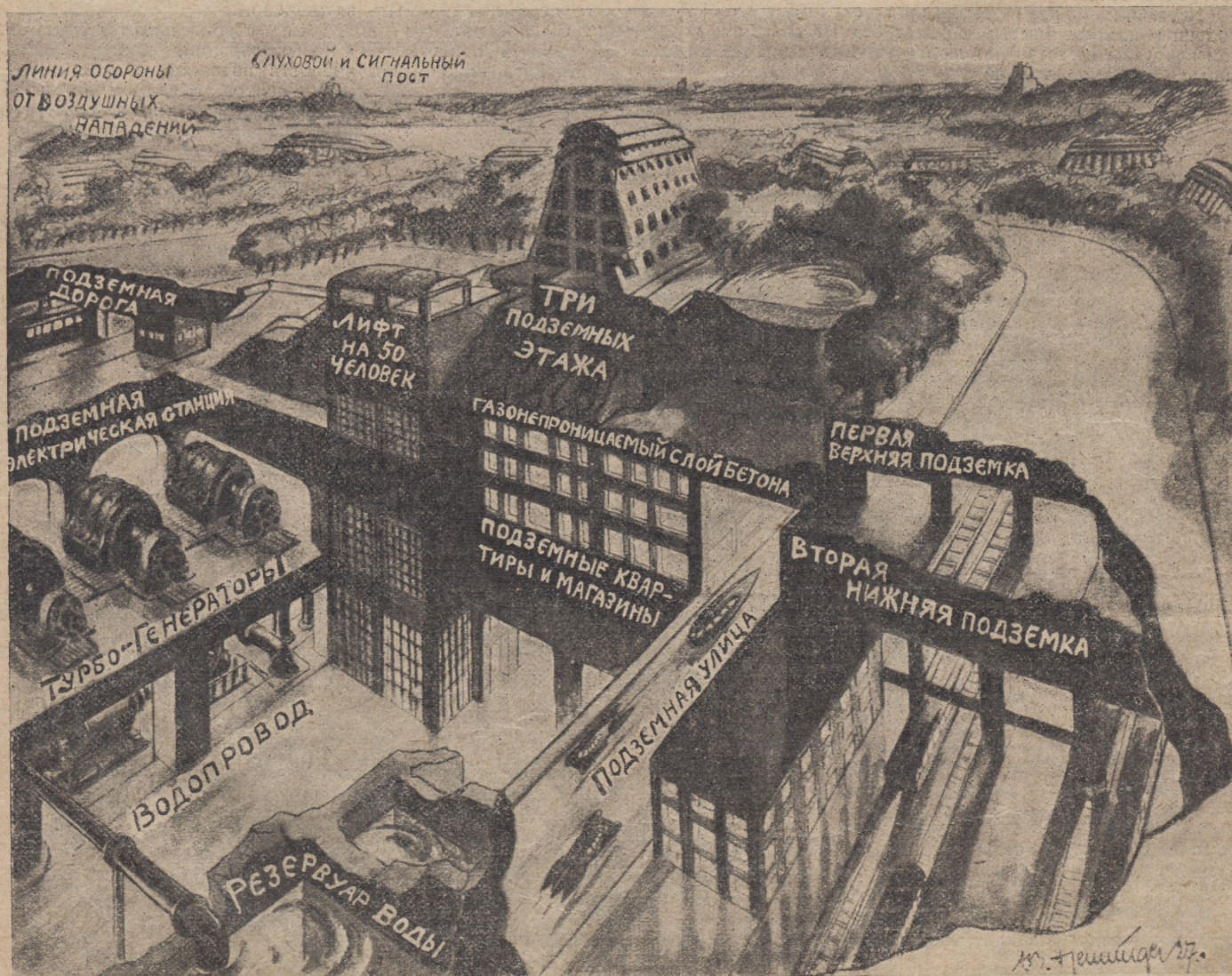
разных углублениях и низменностях.

Но и против этого найдутся средства защиты.

При закладке нового города в нем не должно быть жмущихся друг к другу построек, что будет достигнуто проложением особых уличных проходов, в направлении постоянного ветра, а также развитием парков, рытьем прудов и засаживанием деревьями площадей.

Действие такой же бомбы на город, приспособленный к воздушной обороне. Людские и материальные потери, по крайней мере, вдвое меньше.

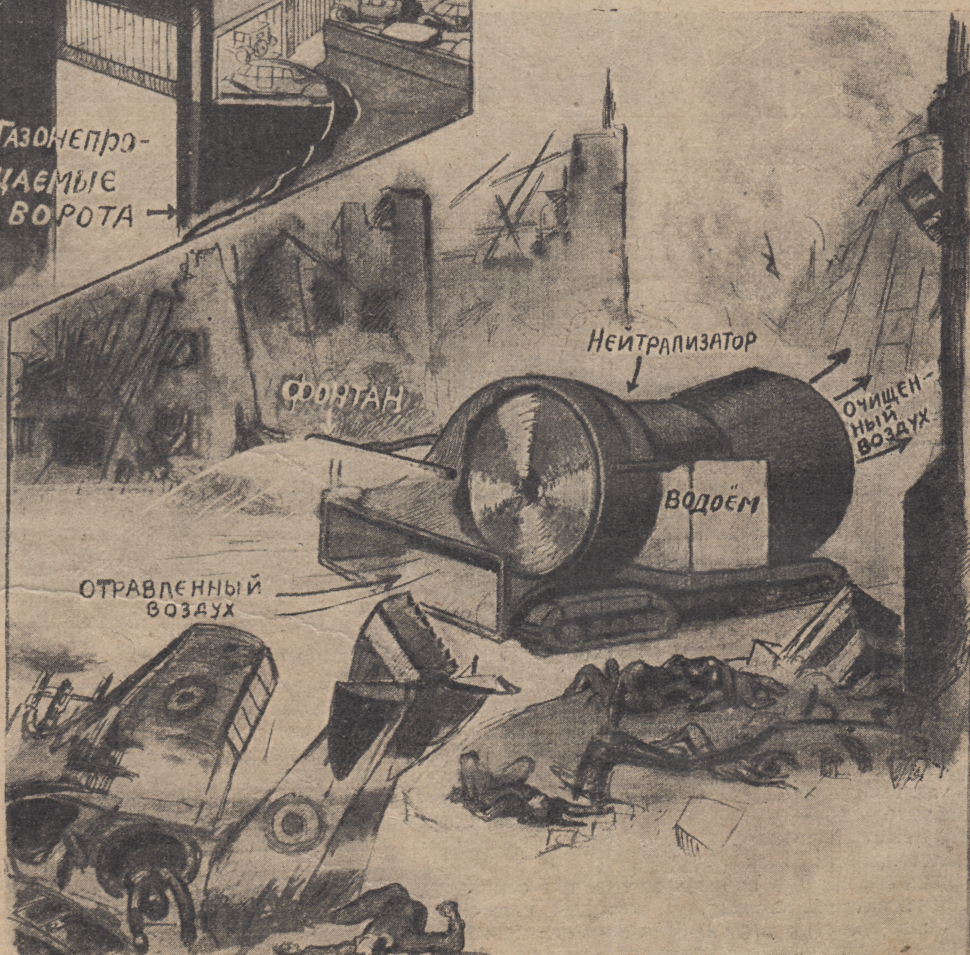

Как выглядит подземный город.

При воздушном налете население скрывается в подземную часть города. Вражеские аэропланы отражаются путем обстрела из особых казематов-блогкаузов.

Когда воздушный враг удалится, начнется очистка надземной части города проветриванием и водой. Особые вентиляторы гонят воздух в нейтрализаторы, откуда отравленный воздух выходит совершенно чистым и пригодным для дыхания.

ОСО-Авиохим каждого осведомляет о подходящих средствах защиты.

Разбросанность вместо теперешней скученности — таково будет решение задачи. Это означает двоякую выгоду: в мирное время — здоровую и гигиеническую жизнь, а в военное — экономию людей и материала.

Сравните рис. 2 и 3, изображающие сферу действия одной бомбы-мины в 1000 кг. и вы убедитесь в правильности данного утверждения. Вокзалы, электростанции, водоканалы, склады и т. д. должны быть устроены на значительной глубине, в безопасности от бомб и недосягаемости для газа.

При подходящем грунте там будут также жилые и служебные помещения, но прежде всего — главные правительственные учреждения, пищевые заводы, расположенные на одной глубине, под особым покрытием бетонными слоями, непроницаемыми для бомб и газа, защищающими их от действия тяжелых бомб-мин и удушливых газов.

Мощные лифты обеспечат быстрое сообщение с поверхностью земли. Оправдает ли себя засадка площадей и улиц лиственными деревьями — это неизвестно; военный опыт будущего решит этот вопрос. Деревья и корни действуют при газовых атаках на подобие губки. Они в известной степени впитывают в себя газ, удерживая его под своими листьями, несмотря на ветер, дождь и солнце.

Правда, засадка города деревьями может быть послужит главным препятствием для быстрого очищения местности от ядовитого газа, но в то же время водяные поверхности безусловно поглощают тяжелые газы. Применением искусственного дождя, наверное, в борьбе с некоторыми из газов можно будет добиться хороших результатов.

Конечно, здесь выдвинуты только самые главные строительные-технические мероприятия, чтобы показать тот переворот, которым грозит авиация городскому строительству.

Л. Д.

О МОРСКОЙ ЗМЕЕ

Согласно древним сказаниям существует только одна огромная морская змея, которая живет в неведомой глубине океана и, вызывая бури и предательские течения, губит множество кораблей на всем свете. Многие известные натуралисты и до сих пор допускают существование такой громадной морской змеи, тогда как другие так горячо и решительно отрицают эту возможность, что их, повидиному, не убедил бы и живой экземпляр этого создания в аквариуме Зоологического сада.

Итак, представляет ли собой морская змея один лишь плод разгоряченного воображения или она существует на самом деле — таков вопрос, который и до сих пор дразнит человеческое любопытство и научную любознательность. Правда, за последнее время каждое упоминание о морской змее встречалось с явным недоверием или едкой насмешкой. Дело дошло до того, что когда трем журналистам посчастливилось увидеть случайно подлинную морскую змею, они не решились выдать свои наблюдения за реальный факт, а превратили его в фантастический путевой набросок.

Такой огульный недоверчивости должен быть положен конец. Ведь нелепо же постоянно считать морскую змею за праздную болтовню только на том основании, что она до сих пор ни кем еще не выловлена. Разве каждый год не приносит нам сведений об открытии новых, очень странных животных? Около тридцати лет тому назад шли упорные слухи о животном, которое похоже на жирафа, но только имеет сходные с зеброй полосы. Этим слухам никто не верил до тех пор, пока в Британский музей не попало несколько экземпляров таких животных, окапи.

Конечно, на поверхности океана много может ошибочно внушить нам представление о громадной змее. Тюлени, черепахи, дельфины, плывущие водоросли — все это может породить иллюзию морской змеи. Особенно же легко принять за нее тот семисаженный отрок гигантской каракатицы, который изредка поднимается над поверхностью моря на несколько мгновений. Это зрелище, особенно в наступающих сумерках и при свете заходящего солнца, способно убедить в существовании морской змеи и самого рассудительного человека.

Один голландец заботливо собрал все 250 сообщений о морской змее — между 1520 и 1890 годами. Напр., в 1830 г. змею наблюдал в Атлантическом океане весь экипаж одной американской шкуны, во главе с ее капитаном. Шея у нее была покрыта гривой и всякий раз, как из воды поднималась ее голова, слышался резкий, острый шум, похожий на струю вырывающегося сжатого пара. В октябре 1847 г. другой

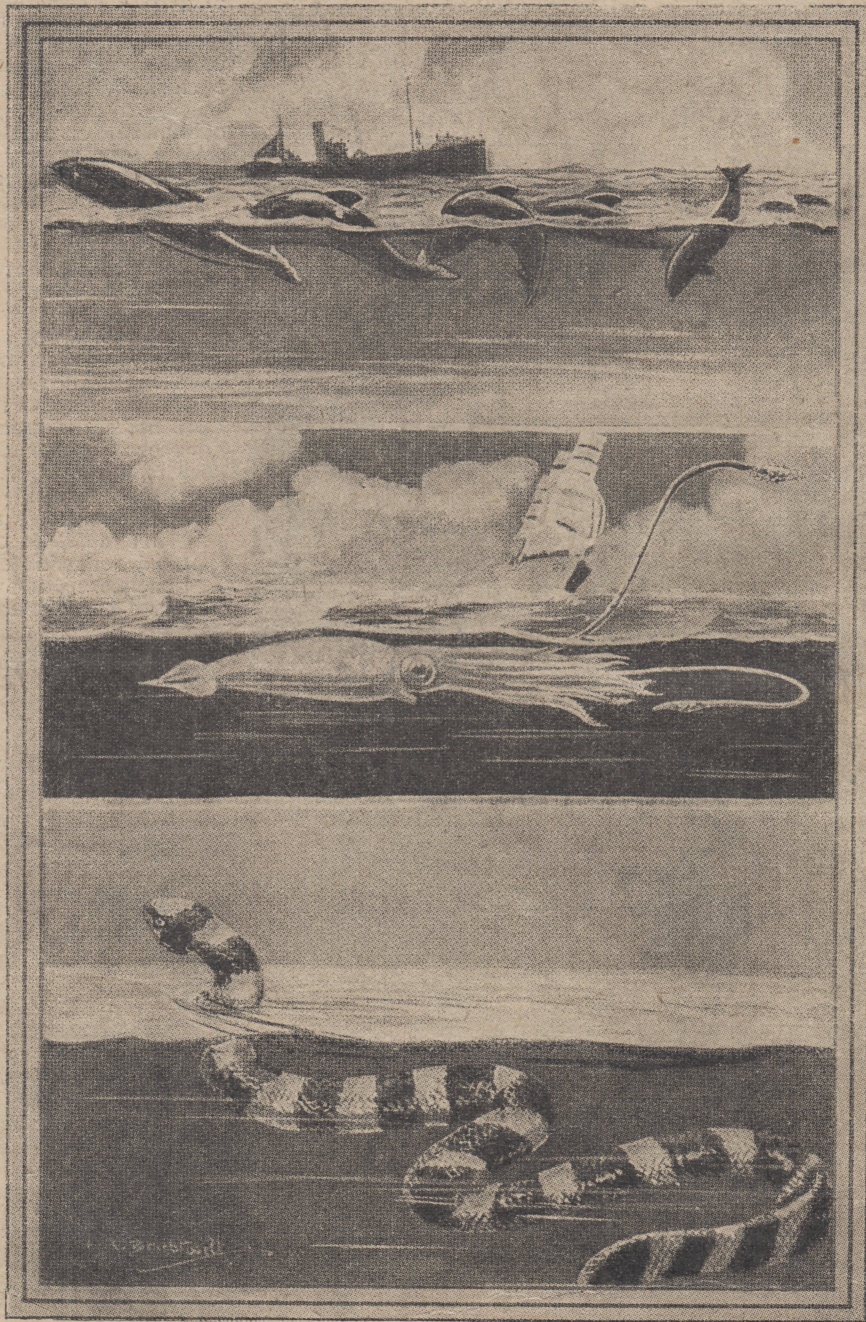
экземпляр встретился военному английскому судну «Дедал», капитан которого представил следующее описание. Животное, длиной около 15 сажений, имело схожую с ящером голову, снабженную огромными челюстями и острыми зубами. Несколько лет спустя в английском журнале «Зоологист» помещено было описание битвы между рыбаками и морской змеей. В том же году французское военное судно наблюдало за схваткой змеи с молодым кашелотом.

Однако, самые убедительные доводы за существование змеи выдвинули недавно два зоолога, М. Николь и Э. Мид-Вальдо. Они видели морскую змею с борта яхты «Валгалла». Вначале виден был один полусажженный плавник на спине, высунувшийся из воды, но затем отчетливо рассмотрели и нижнюю часть чудовища.

Внезапно перед плавником поднялась шея, длиной около сажени, на которой сидела черепаховидная голова. Некоторое время животное двигалось по направлению судна, делая около 8 узлов в час, но затем неожиданно нырнуло вглубь и больше уже не показывалось.

Так или иначе, но один вид морской змеи, которая водится у восточных берегов Азии, в настоящее время пойман и водворен в аквариум Зоологического сада в Мадрасе (Индия). Здесь они живут вместе с морскими окунями, которые как-то ухитряются ладить со своими ядовитыми соседями. У этой змеи туловище кончается похожим на лопату хвостом; такая форма хвоста позволяет ей

цепко держаться за всевозможные выступы и предметы. А недалекое будущее покажет, являются ли одними только баснями все многочисленные сообщения о морской змее уже более внушительных размеров. Во всяком случае, если таковая до сих пор не поймана, это еще не значит, что ее не существует.

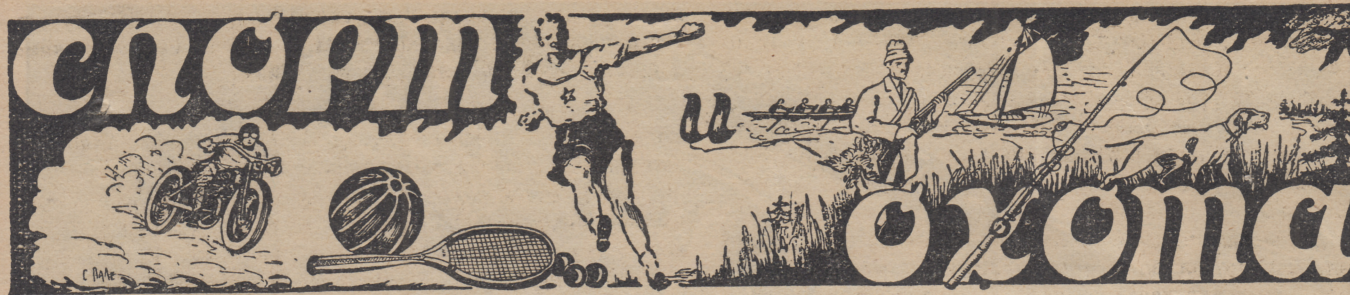
Настоящая морская змея.

Два верхних рисунка дают удовлетворительное объяснение многим утверждениям о существовании морской змеи. Играющие дельфины при закате солнца или в туманный день легко могут сойти за огромную змею. То же впечатление еще более легко может произвести щупальце гигантской каракатицы; зритель будет утверждать, что видел шею и голову змеевидного чудовища. — В самом низу мы видим одну из самых ядовитых морских змей, встречающихся в морях под тропиками.

Кого пожирает морская змея и кто ее пожирает?

У ядовитой морской змеи также есть свои грозные враги. Альбатросы и фрегаты бесстрашно хватают ядовитое животное, долбят его своим клювом, бьют своими крыльями, пока змея не утратит способность ко всякому сопротивлению. Тогда они пожирают ее на каком-нибудь утесе или даже на верхушке мачты. Далеко не брезгают морской змеей и акулы.

ПРУД И ОЗЕРО

Ловля мелкого карася в стоячей воде, кажется, наименее поэтичная из всех охот, но она едва ли не самая добычливая.

Эта ленивая и глупая рыбка охотно берет все, что ей предлагают: на червяка какого угодно, на муху, на хлеб, даже на таракана, что очень странно: откуда карась может знать таракана? Единственная прихоть, которую позволяет себе карась это, чтобы приманка не плавала поверху... Впрочем, мух и хлебные крошки, падающие дождем на поверхность воды, он все-таки подлавливает. Толстый дурачек для чего-то набивается битком до отказа в самую простую «морду», сплетенную как попало из ивовых ветвей и брошенную с камнем в пруд. В «морде» никакой приманки нет, кругом нее свободного места сколько угодно, взял да обошел, — нет, один идет посмотреть, что это за устройство лежит на илистом дне, а за ним целый косяк. На кухне карася, если он не слишком мелок, принимают охотно; говорят даже, будто карась любит жариться в сметане. Это, пожалуй, уже преувеличение... В таких прудах-лужах, где караси толкуются тесными стаями, они очень скоро начинают мельчать и мельчают удивительно быстро: где в прошлом году ловились часто караси с ладонь, теперь большинство вдвое меньше, а на следующий год тут кишит уже никуда негодная дрянь — рыба величиной в ложку. Единственный способ восстановить в пруде приличные размеры измелчавших карасей это запустить к ним несколько небольших щук: те живо распорядятся с избытком карасиного населения*). Крупный карась (в фунт и более) ловится только в более обширных и глубоких водоемах. Вырастает ли его мозг вместе с телом, набирается ли он опыта и ума в течение долгих лет жизни, но он теперь хитер и осторожен, хотя ленив попрежнему. Насадку, из которой виден крючок, порядочный карась никогда не возьмет. Таракана или мухи он не жалеет, хлеб согласен взять только сдобренным льняным маслом. Если рыбак также с ленцой и ограничивается тем, что поставить свои удочки, то хотя бы на них были самые любимые приманки карася, например, живой красный навозный червяк — ни один поплавок даже не дрогнет: лентий-карась лежит на боку в тине, быть может, в двух шагах, и не шевельнется, пока приманка не попадет ему под нос. Удочку надо закидывать, перекидывать по всем направлениям, отыскивая... карасиный нос. Зато, схватив, толстяк сопротивляется вдвое сильнее, чем совсем похожий на него подлещик такой же величины; карась с отчаяния, что его тащут, иногда упирается головой в илистое дно пруда, и неопытный рыболов тут легко может, поторопившись, оборвать леску.

Около прудов с крупными карасями, т.е. около довольно больших прудов, почти всегда гнездятся цапли.

*) В Германии на этих основаниях развилось в значительных размерах разведение щуки, у нас считаемой гольцом вредной.

Вероятно, они наблюдают за правильным развитием населения пруда? К рыбаку, часто посещающему пруд, хитрые и сторожкие птицы привыкают настолько, что спят стоя на одной ноге, неподалеку от рыбака, когда в полдневный жар все спит: и пруд, и старые ольхи над ним, и карась в тине, и чуть ли не рыбак... Щук, впрочем, цапли ловят не менее ловко, чем карасей.

На берегу пруда обыкновенно поселяется еще надзиратель все за той же карасиной жизнью: водяная крыса. Она плавает и ныряет почти как рыба, а чутьем ищет как собака... Эта присмотрит как следует, перенаселится пруду не даст! К сожалению, крыса выбирает самых крупных карасей, что, конечно, не очень нравится верховному наблюдателю — не щуке, не цапле, а рыбаку... И крыса частенько получает пулю или заряд дробы: зачем не по чину берет.

В озерах с огромным запасом воды, обильных разнообразной пищей, в глубоких тихих заводях, хранящих покой безмятежной жизни, караси и похожие на них лини — странные и мягкие рыбы, одетые толстой липкой шкуркой почти без чешуи — в озерах эти лентии вырастают до вполне почтенных размеров, до килограмма.

Озера Сибири зимой шлют замороженных карасей в два и даже в три килограмма, но... то Сибирь, там, кажется, все в большом виде.

В обыкновенных озерах, какими так богаты некоторые из наших средних губерний, карасю было бы не житье, а рай, если бы не чрезмерное за ним наблюдение. Озерной ерш не может не проверить едва выметанную икру карасей и всегда, найдя количество ее чрезмерным, значительную часть уничтожает. Окунь, присматривая и за икрой, преимущественное внимание обращает на карасиную молодь. Слишком уж их много юных карасиков! Опять, значит, того!

А чайки, утки? Все едят карася... Обиднее всего, однако, щука: нынешней весны шуренок в палец ростом, а как гоняется за новым поколением карасей! На карасиный ли счет или от каких иных причин, но ерш и окунь в озере достигают размеров, невиданных, неслыханных в реке, при чем темнеют чрезвычайно, в особенности окунь: поперечные его полосы, в реке зеленоватые, становятся в озере почти черными, а плавники темно-красными, чуть ли не малиновыми.

Только в огромном озере, представляющем кроме всего прочего ряд надежных убежищ от главного надзирателя, могут вырастать щуки, в существование которых нельзя поверить, если такую не увидеть. Иногда чудовище, способное проглотить пяти-фунтового судака, хватает по какой-то прихоти маленькую рыбку, крутящуюся на леске за плывущей по озеру лодкой... И в большей части таких случаев в один миг гибнут хитрые заморские затеи злокачественных рыбаков, ломаются удила, рвется леска и все вместе с предательской рыбкой-блесной исчезает в волне, поднятой бешеным порывом чудовищной рыбы.

Однако, совершенно точно известен случай, когда не растерявшийся при исключительной поклевке рыбак над-

лежаще поставил удилище, и дивная снасть, лишь сгибаясь и выпрямляясь, выдержала всю ярость отчаянного сопротивления, продолжавшегося больше часа... Точно саженое толстое черное бревно всплыла на поверхность щука. Огромная голова ее была покрыта каким-то седым мохом, в полураскрытой пасти, чуть зацепившись между зубами, виднелась искрильчатая блесна... Сколько десятилетий ускользал от жадности верховного наблюдателя подобный великан?.. В совершенном изнеможении щука, еле шевеля плавниками, смиренно шла за лодкой, спешившей к мели. И вывели щуку, и она тяжело легла на песок. Оставалось только взять ее. Чем, как, куда? Один из рыбаков, едва щука приткнулась на мель, оседлал ее весьма бойко, но в тот миг, как его руки коснулись костистых колючих крышек жабр, намереваясь за них ухватиться, щука согнулась вдвое... И чрезвычайно бойкий всадник, несивший около пяти пудов и умевший крепко сидеть на лошади, со щуки полетел кувыркком в мелкую воду. В следующий миг, леска не поддерживаемая сопротивлением удилища, оказалась порванной, как гнилая нитка и за щукой, свободно закувыркавшейся по отмели, бежало уже двое рыбаков, пытавшихся ее убить... Но топор у них был один, а щука стремилась к жизни, и, чувствуя себя с каждым прыжком все более и более в своей стихии, извивалась, хлестала хвостом так, что топор остался не причем... Щука исчезла в озере.

Бойкие парни — и тот, что верхом сидел на шукке и тот, что с топором за ней бежал — долго опомниться не могли от восторга.

Так ведь упустили шуку-то, чего же радоваться? Это ничего, что упустили, не важно. Охотнику нисколько не интересно непременно съесть свою добычу. Престарелая шука навеное никуда не годилась. Но вьявь видеть, осознать такое чудовище, верхом на нем посидеть — это случай, бывающий не у каждого в жизни.

Следующей весной в том же озере опять на блесну кто-то клюнул так, что потряс всю лодку, но осталось неизвестным, кто это хватил,—та ли щука, на которой верхом ездил, или другой подобный великан: дело ограничилось подлечкой.

Затем в течение нескольких лет ряд рыбаков, всячески вооруженных, в мечтах о чудовищной шукке предлагал хищникам этого озера всевозможные приманки. Множество щук и судаков, не лишенных значения, кончили тут свою хищную жизнь, но чудовища более никто не видал. Продолжает ли изумительная шукка свое существование, или ее давно уже съели раки, — неизвестно.

В каждом озере есть свои тайны. Иногда из озера исчезает ерш. Почему, куда, как? Вдруг, нет ерша и кончено. Мора на него не было, уйти, как-будто некуда, а ерша нет, год-два-три: ни одного червяка на крючках не треплет, ни в какую сеть не попадаетея... Нет ерша! И вдруг он тут, опять везде безобразничает. Откуда, как, почему? Снова ничто ничего не знает.

Почти ежегодно озеро из потайных, почти недосыгаемых своих глубин высылаёт на простор стаи то тех, то других рыб. Пуская пузыри, изредка лишь всплескивая, медленно идут широкие леги косяками в сотни, иногда в тысячи рыб и обыкновенно далеко не уходят: они так просты, их так видно, что сеть их уж заранее ждёт и забирает почти всех. Стаи судаков несутся быстро, с шумом, с плеском, с гоньбой за попадающейся по пути мелочью... Это крупные, взрослые рыбы идут метать икру. Не удобно ли

им это делать там, где они росли, должны ли они уступить место следующим поколениям? Что-то велит им неудержимо переселяться в пределах одной и той же полосы воды.

А иногда неисчислимая стая мелких окуней является также из таинственных глубин. Это что-то такое? Молодежь идет населять новые места или это прогулка? Как бы там ни было, кругом лодки в прозрачной воде по всем направлениям видны сплошным слоем стаи одинаковых окуньков. Их можно черпать сачком, ловить на удочку сразу с двумя крючками, третий крючок не надевается лишь потому, что путается, а хватают и на все три разом. Если одного из таких окуньков нацепить на жерличный крючок и спустить с грузилом поглубже, ниже стаи, то его очень скоро хватает крупный окунь.

Значит, старшее поколение наблюдает за младшим!

В бесстыдстве пожирания себе подобных окуня превосходит только щука. Эта пытается проглотить щуку такой же величины, как сама — лишь бы пролезла в пасть. Иногда жертва слишком велика и в утробу победителя не вмещается, тогда чрезмерно жадный хищник так и бегаёт с хвостом, торчащим у него из пасти. Такое неприличие случается, впрочем, со щуками, как и с окунями, только в ранней юности: несколько умудренные опытом жизни хищники с расчётом хватают лишь такую добычу, которую заглатывают начисто, без остатка.

Почти в каждом большом озере есть «бучила», «окна», «пучины» — какие-то бездонные отверстия в какую-то неведомую глубину земли. Вода в них бурлит и странно пахнет. Не через них ли уходит куда-то пропадающая по временам рыба? Отнюдь нет. Рыба эти окна очень хорошо знает, она в них гибнет и осторожно сторонится от них. Человек, заподозрив существование таких окон в неведомое, исследует их всеми способами и убеждается, что жизни в окнах быть не может: вода пучины полна ядовитых газов... А что это такое, пучины? И отчего? Ответов нет.

Во Владимирской губернии, сухопутной, вне всякого сомнения, никогда не сообщавшейся ни с каким морем, в Переславском озере живет селедка изумительного вкуса, настолько нежная, что вывозима оттуда быть не может ни в каком виде. Откуда она там взялась, почему еще нигде нет такой? Есть озера, обильные стерлядью и форелью. Большим озерам, вообще, свойственны каждому свои породы рыб. Наконец, есть озера-моря, как Ладожское и Онежское; в них, кажется, существуют даже свои течения..

Но как бы величественно ни раскинулось озеро, какие стаи рыб, каких великанов ни тайдо бы оно в своей глубине, вся его красота, все богатства в глазах рыбака-любителя имеют значительный изъян: вода озера стоит. Пусть она прозрачна, чиста, холодна, пусть кишит живущими в ней существами, пусть паруса точно крылья чудесных птиц заманчиво мелькают там и сям по огромному зеркалу, а все-таки в озере чего-то не хватает... Чтобы понять, чего именно, надо в жаркий день выкупаться в озере, а затем сейчас же немедленно кинуться в реку. И быстрые волны, охватив все тело, скользящей свежей лаской почти неуловимого стремительного прикосновения ясно дадут почувствовать всему существу, в чем главная прелесть реки: в холодном потоке ее струи незримо дрожат те силы, что зажигают всякую жизнь. В стоячей воде этого трепета нет или человек не может его почувствовать, что в сущности все равно.

Лесник.

СОЛНЦЕ, ВОЗДУХ, ВОДА

Используйте хорошенько лето!

Будьте, возможно больше на воздухе, на солнце, пользуйтесь водой.

Это три неистощимых источника энергии, здоровья и силы, да к тому же источники бесплатные, находящиеся в полном распоряжении человека. Пренебрегать естественными факторами здоровья — недопустимая расточительность.

Но, как всякое лечебное средство, воздух, вода, солнце, принятые в избытке, могут повредить. А потому всякому любителю природы необходимо знать, как они действуют и как ими пользоваться.

Воздух действует на человека в высшей степени ободряюще; даже в самый жаркий день, когда «деревья не колышутся», он не бывает неподвижным: волны воздуха охлаждают кожу. Происходит это двояким способом: во-первых, механически, во-вторых, до некоторой степени физически.

Всякий знает, как приятно бывает в жаркую пору обмахиваться большим листом лопуха или газетой; приятное ощущение происходит потому именно, что образуются более широкие волны воздуха, которые как бы обмывают разгоряченное лицо свежей струей; такое именно действие, но в меньшей степени, производит и воздух вообще, хотя бы даже он нам и казался неподвижным. А, кроме того, под влиянием воздушных волн испаряется пот, покрывающий в жару наше тело, а испарение влаги всегда производит охлаждающее впечатление.

Вследствие такого благотворного влияния воздуха и стараются в летнее время одеться как можно легче; если надеть высокий воротник, застегнуть обшлага рукавов, воздух будет касаться только лица и кистей рук; если расстегнуть ворот, воздухом будет пользоваться и шея; если заменить брюки трусиками, воздух использует ноги и, чем больше будет поверхность обнажения тела, тем приятнее будет действие воздуха. Недаром мы говорим о «воздушных ваннах»: полное окунание в свежую воду, конечно, охлаждает тело больше, чем поверхностное споласкивание лица и рук. Будем же последовательны и постараемся принимать воздушные ванны, как мы стремимся к водным.

Существует и другое выражение, связанное с воздухом: «воздушная пища»; не будем на нем останавливаться, так как о значении воздуха, как пищи для организма, мы уже говорили в № 11 журнала; но вспомним, что нужно заботиться о чистоте, воздушной пищи, совершенно так же, как мы заботимся о чистоте пищи нашей вообще.

Но воздух может быть нам и врагом.

Прежде всего, если им пользоваться неумеренно или неумело. Очень многие легко простужаются при сквозняке, т.е. при резком и сильном воздушном течении, которое обычно образуется, если открыть окна с обеих сторон; многие не выносят и просто-на-просто сильного ветра. В этой боязни воздуха есть несомненное преувеличение. Человек может и должен закалить себя путем постепенных упражнений, чтобы быстрые смены и сильные потери тепла организмом не оказывали на него скверного влияния. За границей, особенно у заграничных физкультурников, совершенно нет боязни сквозняков. Правда, и ветер может быть злым врагом. При продолжительной прогулке сильный ветер в лицо может преждевременно утомить, а для велосипедистов встречный ветер — положительно зарез; он заставляет часто велосипедиста сходить с машины и вести ее в руках, чтобы хоть немного отдохнуть.

Зато чтобы стал делать без ветра парусник?

Солнечный свет, вернее — солнечное тепло, есть источник всех сил у живых существ.

Это солнечное тепло может до известной степени заменить пищу: в жарких странах встречается особая порода таучков, которая в молодости живет совершенно без пищи, только за счет солнечной энергии. Человек, правда, такой пищей довольствоваться не может, но солнце, несомненно, снабжает и человека известным запасом энергии, позволяющим ему сохранять собственную энергию. Наука установила, что солнечные лучи оказывают благотворное влияние на выработку организмом красных кровяных шариков. За последнее время солнечными лучами лечат страшный бич человечества — туберкулез (чахотку).

Почему же солнце имеет такое благотворное влияние на человека?

Мы ясно ощущаем два свойства солнечного луча: свет и тепло, дающие нам приятное ощущение и много радостей. Но у солнца имеется еще скрытое свойство, химическое. Если мы пропустим луч солнца через стеклянную призму, то можем поймать на лист белой бумаги отражение луча, но оно будет уже не обычным золотисто-ярким, а будет разноцветным; мы получим на бумаге радугу, в которой наиболее яркой окажется серединка, окрашенная в желтый цвет; от середины пойдут более темные цвета, а на краях окажутся, с одной стороны, красный цвет, с другой — фиолетовый; красные лучи дают больше всего тепла (это можно проверить передвигая по радуге чувствительный термометр), а фиолетовые окажут наиболее сильное влияние на фотографическую пластинку; это — лучи, обладающие наибольшей химической силой. Но за красными лучами в нашей радуге будут находиться еще более темные, для глаза невидимые лучи, так называемые «инфракрасные», а за фиолетовыми будут такие же невидимые лучи, «ультра-фиолетовые».

В этих ультра-фиолетовых лучах и заключается сила солнечного света, как средства оздоравливающего; ими и должен человек пользоваться. Но, с другой стороны, эти лучи могут быть и вредными: избыток их может повредить организму. К счастью, у человека имеется очень простое средство, чтобы обезопасить себя от вредного влияния ультра-фиолетовых лучей — загар. Загар изменяет характер лучей, устраняет их опасности, сохраняя все их достоинства. Поэтому, природа и устроила так, что в жарких странах люди уже рождаются, так сказать с природным зонтиком, т.е. с черной кожей тела; в странах с умеренной температурой людям, желающим пользоваться солнечным светом, приходится загорать.

Вредное влияние солнечных лучей ярко сказывается на человека, когда он «сгорает»: кожа его резко краснеет, потом покрывается пузырями с водой, затем пузыри подсыхают, и с человека можно тогда без неприятного ощущения «сдирать шкуру». Но последствия неумеренного пользования солнцем могут быть и более опасными: может подняться температура, заболеть голова, появиться головокружение; может даже наступить смерть от так называемого солнечного (вернее — теплового) удара. Чтобы предупредить эти неприятные возможности, нужно загорать постепенно. Уже при первой возможности рекомендуется подвергать обнаженное тело действию воздуха; выходить на солнце следует сначала с непокрытой головой, в спортивном костюме, т.е. в трусиках и в фуфайке; в первый день в нашем климате можно провести в таком костюме на солнце два раза по пятнадцати минут, с перерывом в пятнадцать минут; на второй день можно выйти на солнце на пятнадцать минут в спортивном костюме и на пятнадцать минут только в трусиках, снова сделав перерыв на четверть часа; на третий день можно удвоить порцию того и другого, на четвертый пробыть на солнце тридцать минут без фуфайки и десять минут в фуфайке и уже с пятого дня можно обычно без риска пробыть на солнце час или полтора в зависимости от степени загара.

Конечно, не все люди загорают одинаково; тем, что медленно приобретает темную окраску, нужно действовать более осторожно. И если, несмотря на принятые меры предосторожности, все же появятся на теле ожоги, больные места смазывают маслом или салом, но не вазелином; если ожог не очень силен, посыплют обожженные места тальком или салициловой пудрой.

Не рекомендуется пользоваться солнечными лучами сразу после еды и даже непосредственно перед едой.

Летом пользуются водою, главным образом, в виде купанья в более или менее холодной воде. Приятное действие воды заключается в том, что кожа испытывает охлаждение; происходит это потому, что под влиянием холодной воды сокращаются мелкие подкожные кровеносные сосуды, а это сокращение заставляет горячую кровь приливать к внутренним органам; не согреваемая кровью кожа и дает ощущение прохлады. Но когда человек вылезет из воды, наступает обратное действие: подкожные сосуды расширяются, всасывают кровь и дают приятное ощущение тепла. Это чувство можно ускорить, растерев тело грубым полотенцем.

Действием холодной воды кожа закаляется и делается способной выдерживать без вреда внезапные изменения

температуры, являющиеся обычно источником простуды; кроме того, холодная вода заставляет сердце усиленное работать, тренируются и нервы.

Морская вода действует более энергично, отчасти благодаря присутствию в морской воде соли, отчасти и потому, что морские волны до известной степени массируют кожу купающегося.

Очень полезно совмещать солнечные и водяные ванны.

Но опять-таки не следует злоупотреблять купаньем. Очень продолжительное пребывание в воде не件зно; обычно рекомендуется сидеть в воде, покуда чувствуется

еще, что купанье приятно; когда наступил озноб, значит, что нужно выйти на сушу.

Для каждого человека имеется свой предел времени, так же, как и предел температуры; не следует насиловать себя, но все-таки полезно вытренировать свое тело постепенным приучением к холодной воде и к более продолжительному в ней пребыванию.

Купанье тесно связано с умением плавать; кто не умеет плавать, не получит от купанья того удовольствия, которое получает пловец; поэтому каждому человеку необходимо научиться плавать.

Г. ДЮПЕРРОН.

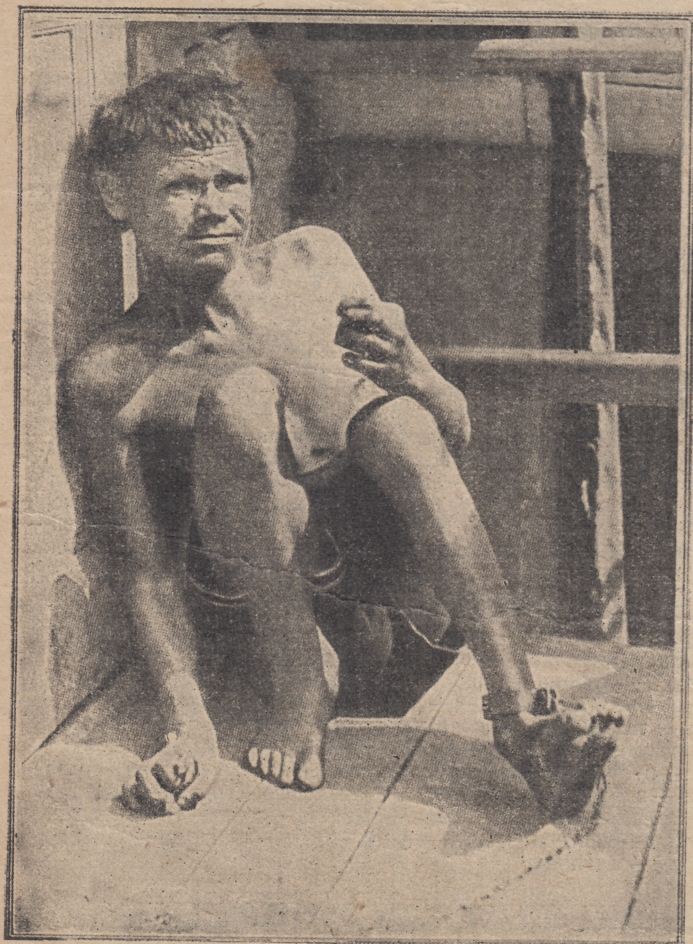

ПАМЯТНИК СВИНЬЕ.

На главной улице гор. Люнебурга, в Германии, недавно поставлен памятник свинье одного из местных жителей. Свинья неожиданно оказала большую услугу гражданам города: в поисках пищи она разрыла землю на городской окраине и, тем самым, обнаружили ценные залежи соли. На этом месте были устроены соляные копи.

ВЕНГЕРСКИЙ МАУГЛИ.

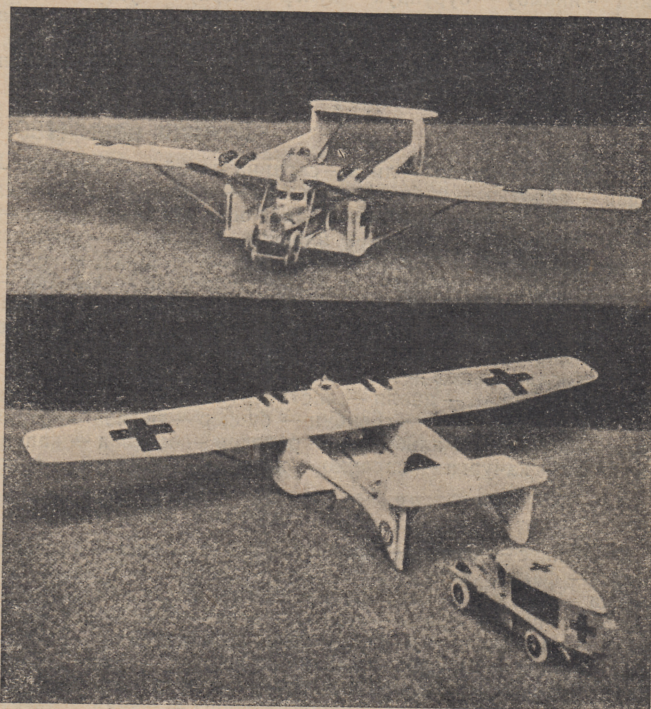
Вы помните, конечно, человека-волка, Маугли, в известной книжке Р. Киплинга «Джунгли». Наш же рисунок изображает скорее «человека-животного», несчастное создание, которое с детских лет упорно ходило на четвереньках, питалось корнями и сырым мясом, не владело человеческой

речью и не понимало ее. Тогда этого несчастного, Александра Аксаи, заковали в цепь и посадили в погреб-хлев, где он сидел в течение 29 лет, пока случайно не вырвался. Когда его вновь поймали, то отправили для исследования в Будапешт, где и раскрылась вся его печальная история.

ВОЗДУШНЫЙ «КРАСНЫЙ КРЕСТ»

Лазареты и походные госпитали теперь существуют не только на суше и море, но равным образом и в воздухе.

Впервые опыт с летучими госпиталями был поставлен во Франции, которая и принялась ныне за создание особых воздушных эскадрилий «Красного Креста».

ЧУВСТВО ДОЛГА У МУРАВЬЕВ.

Немецкий исследователь жизни муравьев, профессор Эйрман, утверждает в своей последней книге, что муравьям известно чувство долга.

Эйрман помешал на пути муравья, перетаскивавшего по частям в гнездо свою добычу, каплю меда. Мед — любимое муравьиное лакомство. Однако, муравей, мимоходом, попробовав приманку, все же продолжал свою работу и, только закончив ее, возвращался к меду и с'едал его.

МЕДВЕДИ-СВИДЕТЕЛИ.

Один из жителей гор. Берна публично обвинил сторожа городского зоологического сада, которому поручена забота о медведях, в жестоком обращении с ними. Дело дошло до суда. Суд решил привлечь свидетелями самих медведей.

При приближении к ним судьи и обвинителя, звери пуливно попрятались. При виде же сторожа, радостно бросились к нему навстречу. Суд оправдал сторожа и оштрафовал сердобольного покровителя животных за ложное обвинение.

РАСПРОДАЖА КНИГ

Книжн. маг. А. С. ЕПАНОВА
Ленинград, г. Володарского, № 31.
(Выдержки из нашего каталога).

СПОРТ—ОХОТА.

ЗАРОВНЯЕВ. Охотник-рыболов любитель 50 к. **БЕРГ.** Рыбы пресных вод 2 р. **СЕЛИВАНОВ.** Плетение рыболовных сетей 60 к. **ПЕТРОВ.** Рыбная ловля всех видов во все времена года 1 р. 25 к. Как самому сделать байдарку 35 к. Ружье начинающего охотника 45 к. **РОХМАНОВ** и **КАРЦЕВЛИ.** Спутник трудого охотника 1 р. **ТЕВЯШЕВ.** Будь метким стрелком 15 к. **МЮЛЛЕР.** Моя система 60 к. **БАКАЛЕЙНИКОВ.** Путь к здоровью и силе 50 к.

ПУТЕШЕСТВИЕ И ДРУГИЕ.

МИККЕЛЬСЕН. По следам жертв ледяной пустыни 1 р. 25 к. **СВЕН-ГЕДИН.** Путешествие по Азии 1 р. 25 к. **МАККГОВАН.** Китайцы у себя дома 1 р. **РАЗИН.** Приключение Александра Селькирка на необитаемом острове 75 к. **ГОЛЬДИНГ.** Остров убежища. Приключение юных путешественников на Флоридском берегу 2 р. **ВОРИСТГОФЕР.** Корабль натуралист 2 р. 50 к. **СВИРСКИЙ.** Рыжик. Приключение бродяги 1 р. 25 к. **КУПЕР.** Ф. Следопыт 1 р. Зверобой 1 р. **Ж-ВЕРН.** Вокруг света в восемьдесят дней 2 р. Его же. Все вверх дном. Необыкновенное путешествие 2 руб. Путешествие вокруг луны 2 р. Приключение трех русских и трех англичан 2 р. Приключение Капитана Гаттераса 1 р. 60 к. **ВИТКОВСКАЯ.** Крутом земли 3 р. **ГЕРШТЕКЕР.** Вселенная 3 р. **ДЕФО, Д.** Робинзон Крузо 2 р. **АМУНДСЕН** и **ЭЛЬВОРТ.** Перелет через ледовитый океан 2 р. 50 к. **БОБИН.** По Южной Америке 1 р. **МАРКОВ.** Очерки Кавказа. Картины Кавказской жизни, природы и истории 5 р. То же очерки Крыма 5 р. **ПУТЕВОДИТЕЛЬ по МОСКВЕ** и ее художественным и просветительным учреждениям 17 г. 2 р. **УМНОВ.** Наблюдения юного натуралиста 1 р. **ИГНАТЬЕВ.** Определитель весенних растений 75 к.

СИМОНОВ. Л. Н. Глазеевские съедобные и вредные грибы с 50 рис. в красках, писанных с натуры. Е. Бем. Ботаническая часть редакторана А. Н. Бекетовым 1 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по ЛЕНИНГРАДУ с новым планом г. Ленинграда 65 к.

РАЗНЫЕ.

ПЕРЕЛЬМАН. Занимательная физика, парадоксы, головоломки, задачи, опыты, замысловатые вопросы и рассказы из области физики 2 тома 345 стр. 295 рис. 2 р.

ФОТОГРАФИЯ.

ЕВДОКИМОВ. Экспозиция и проявление. Как получить хороший негатив 80 к. Фотоувеличение 65 к. **ФОГОРЕТУШЬ** 50 к. **ГОТЕЛЬ.** Карманный справочник по фотографии 1 р. 75 к. **ЛАУБЕРТ.** Фотографические рецепты 1 р. 60 к.

Вышла из печати книга инж. **ФЕНТЕКЛЮЗА.** Ветродвижатели для мельниц, водостанций, станков и электростанций. 176 стр. с 124-мя рисунками 2 р. 50 к.

Цены без пересылки. Стоимость пересылки одной книги—30 к., двух—32 к., трех—35 к. и т. д.

ТРЕБУЙТЕ каталог № 6. ВЫСЫЛАЮ БЕСПЛАТНО.

ВНИМАНИЕ!!!

НОВЫЕ КНИГИ:

А. А. ГОРЧАКОВ

ОПЫТНЫЙ РЫБОЛОВ ЛЮБИТЕЛЬ И РЫБНАЯ ЛОВЛЯ САМОДЕЛЬНЫМИ СНАСТЯМИ
около 100 рис. 1 р., с перес. 1 р. 30 к.

Г. Г. БРОДЕРСЕН

САМОУЧИТЕЛЬ ФОТОГРАФИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

1) Фото в соврем. условиях Ц. 80 к. 2) Фото-репетура Ц. 90 к. 3) Фотооптика и самодельные объективы. Ц. 90 к. 4) Фото-увеличение самодельным аппаратом. Ц. 60 к. Выписывающие все 4 книги вместе 3 р. 20 к. за 2 р. 80 к. с пересылкой

ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ НЕМЕЦКИМ ЯЗ.

не следует изучать его по устарелым методам. Наилучшим признан новейший метод **МЕРТНЕРА**, избавляющий от необходимости заучивания слов и правил. Самоучитель в 10 выпусках высылается за 2 р. 85 к.

Москва, улица Герцена, д. 9/17.
„Русско-Иностранная Книга“.
10—3

Во избежание каких-либо задержек и неаккуратностей в доставке журнала

Вокруг Света

Издательство „Красная Газета“ устанавливает следующий порядок подписки:

1. С 1 июля подписка на журнал „Вокруг Света“ принимается в следующие сроки:

С приложениями:

Ц е н а .

на 3 мес. (I/VII—I/X и I/X—31/XII) 2 р. — к.
на 6 мес. (I/VII—31/XII) 3 р. 80 к.

Без приложений:

на 1 мес. — р. 40 к.
на 3 мес. (I/VII—I/X и I/X—31/XII) 1 р. 10 к.
на 6 мес. (I/VII—31/XII) 2 р. 20 к.

2. Подписка на журнал принимается также и с начала года, причем все вышедшие номера журналов и приложений ДОСЫЛАЮТСЯ комплектами.

3. При подписке на журнал до 1 июля необходимо указывать, с какого номера желательно получать журнал.

4. При продолжении подписки, одновременно с высылкой денег, следует прислать ярлык или точную копию его, с которым получен последний номер журнала.

5. Подписчики, приславшие деньги или подписавшиеся непосредственно в Главной Конторе Издательства „Красная Газета“, Ленинград, Фонтанка, 57 (или Отделении Издательства, Просп. 25 Октября, 1 и 68) при неправильной доставке им журналов должны обращаться с запросами в Главную Контору Издательства „Красная Газета“, Фонтанка, 57, комн. 11.

Все же остальные подписчики, подписавшиеся в почтовом Отделении или других организациях, с жалобами должны обращаться по месту своей подписки.

6. Все заказы, поступившие с 1 июня на Июнь, будут выполняться с № 11, все же остальные с того номера, с которого будет указано подписчиком при заказе.

7. Недостающие номера журнала подписчики могут получить из Главной Конторы Издательства „Красная Газета“ при уплате деньгами или марками 20 к. за каждый номер журнала.

8. Издательство гарантирует своевременную и правильную доставку журнала и приложений при непосредственной сдаче заказов в Главную Контору Изд-ва „Красная Газета“ — Ленинград, Фонтанка, 57.

Письма с марками желательно присылать заказной почтой.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ

9. До 15 июня вышли две книжки приложений; в ближайшее время выходит третья и следующие.

10) Подписка на журнал с приложениями принимается лишь на сроки: три, шесть и двенадцать месяцев. Кто подписался без приложений, может дополнить их, прислав дополнительную плату:

3-х месячные подписчики	— р. 90 к.
6-ти	1 „ 60 „
12-ти	3 „ — „

Все выпуски „По морю, суше и воздуху“ высылаются по цене 20 коп. за выпуск. (Пересылка заказной бандеролью по стоимости).

11. Всем подписчикам, подписавшимся с приложениями с 1-го января по 1-е июля, будут разосланы все намеченные приложения, запоздавшие своим выходом.

12. Подписчики, внесшие плату на срок менее полугода, получают приложения как подписчики на 3 мес., внесшие плату менее чем на год, получают приложения как полугодовые подписчики.

13. Для получения полного комплекта приложений с первого номера или с какого номера желает подписчик получить, следует дослать соответствующую сумму переводом или марками, согласно п. 10 настоящего объявления, приложив одновременно ярлык или его копию, с которыми была получена последняя книжка приложений.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

„ВОКРУГ СВЕТА“

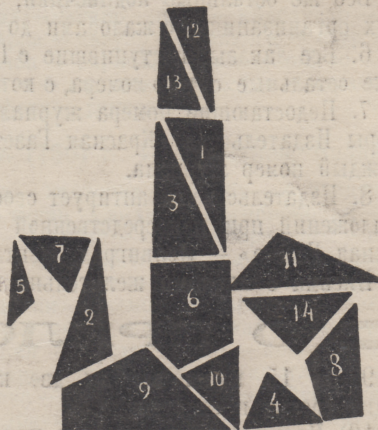
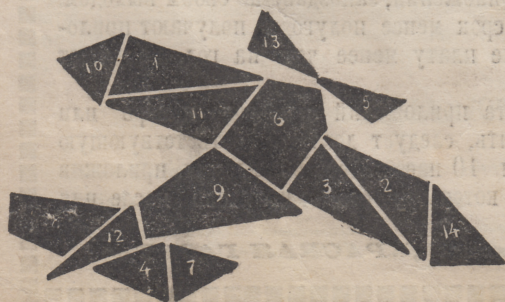
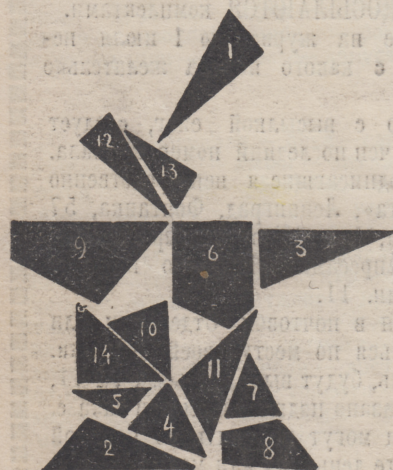
ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ, МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

НАШ ВТОРОЙ КОНКУРС

ОБРАЗЧИКИ ЛЮДСКИХ ФИГУРОК

ОДИН ИЗ ЧИТАТЕЛЕЙ ПРИСЛАЛ
НАМ СВОЙ ЛЮБОПЫТНЫЙ ОТВЕТ НА
АНГЛИЙСКИЙ ВЫЗОВ ЧЕМБЕРЛЕНА

Советский Союз ответит просто рабочим
ударом по наковальне, постройкой фабрики,
красноармейцем и его звездой, аэропланом
и оратором в защиту Молота и Серпа.

**КОНЕЧНО, ЭТИ ФИГУРЫ НЕ ДЛЯ
КОНКУРСА!**

Редакция предупреждает, что в своем
ответе Чемберлену составитель допу-
стил одно существенное уклонение
от условий конкурса, а именно, он
построил не сплошные фигурки, а
допустил в них произвольные проме-
жутки; напр., особенно ясен этот про-
мах в передаче наковальни, где про-
межутки дали возможность состави-
телю приноровить друг к другу части,
которые иначе бы не сошлись.

В ответ на запросы наших читателей
сообщаем дополнительно:

- 1) В конкурсе участвуют все читатели журнала.
- 2) Присылаются целые фигуры, а не бьюты.
- 3) Фигуры можно присылать в любом коли-
честве.

